

**МОЛОДОЙ
УЧЁНЫЙ**

СХХIV Международная научная конференция

ИССЛЕДОВАНИЯ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

КАЗАНЬ

Часть 2

УДК 005(063)
ББК 65.290-2я43
И88

Главный редактор: *И. Г. Ахметов*

Редакционная коллегия:

Э.А. Бердиев, Ю.В. Иванова, А.В. Каленский, В.А. Куташов, К.С. Лактионов, Н.М. Сараева, Т.К. Абдраилов, О.А. Авдеюк, О.Т. Айдаров, Т.И. Алиева, В.В. Ахметова, В.С. Брезгин, О.Е. Данилов, А.В. Дёмин, К.В. Дядюн, К.В. Желнова, Т.П. Жуикова, Х.О. Жураев, М.А. Игнатова, Р.М. Исаков, К.К. Калдыбай, А.А. Кенесов, В.В. Коварда, М.Г. Кологорцев, А.В. Котляров, А.Н. Кошербаева, В.М. Кузьмина, К.И. Курпаяниди, С.А. Кучерявенко, Е.В. Лескова, И.А. Макеева, Е.В. Матвиенко, Т.В. Матроскина, М.С. Матусевич, У.А. Мусаева, М.О. Насимов, Б.Ж. Паридинова, Г.Б. Прончев, А.М. Семахин, А.Э. Сенцов, Н.С. Сенюшкин, Д.Н. Султанова, Е.И. Титова, И.Г. Ткаченко, М.С. Федорова, С.Ф. Фозилов, А.С. Яхина, С.Н. Ячинова

Международный редакционный совет:

З.Г. Айрян (Армения), П.Л. Арошидзе (Грузия), З.В. Атаев (Россия), К.М. Ахмеденов (Казахстан), Б.Б. Бидова (Россия), В.В. Борисов (Украина), Г.Ц. Велковска (Болгария), Т. Гайич (Сербия), А. Данатаров (Туркменистан), А.М. Данилов (Россия), А.А. Демидов (Россия), З.Р. Досманбетова (Казахстан), А.М. Ешиев (Кыргызстан), С.П. Жолдошев (Кыргызстан), Н.С. Игисинов (Казахстан), Р.М. Исаков (Казахстан), К.Б. Кадыров (Узбекистан), А.В. Каленский (Россия), О.А. Козырева (Россия), Е.П. Колтак (Россия), А.Н. Кошербаева (Казахстан), К.И. Курпаяниди (Узбекистан), В.А. Куташов (Россия), Э.Л. Кыят (Турция), Лю Цзюань (Китай), Л.В. Малес (Украина), М.А. Наггервадзе (Грузия), Ф.А. Нурмамедли (Азербайджан), Н.Я. Прокопьев (Россия), М.А. Прокофьева (Казахстан), Р.Ю. Рахматуллин (Россия), М.Б. Ребезов (Россия), Ю.Г. Сорока (Украина), Д.Н. Султанова (Узбекистан), Г.Н. Узаков (Узбекистан), М.С. Федорова, Н.Х. Хоналиев (Таджикистан), А. Хоссейни (Иран), А.К. Шарипов (Казахстан), З.Н. Шуклина (Россия)

Исследования молодых ученых : материалы СХХIV Междунар. науч. конф. И88 (г. Казань, май 2026 г.) / [под ред. И. Г. Ахметова и др.]. — Казань : Молодой ученый, 2026. — iv, 138 с.

ISBN 978-5-6054100-9-6.

В сборнике представлены материалы СХХIV Международной научной конференции «Исследования молодых ученых».

Предназначен для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов, а также для широкого круга читателей.

УДК 005(063)
ББК 65.290-2я43

ISBN 978-5-6054100-9-6

© Оформление.

ООО «Издательство Молодой ученый», 2026

СОДЕРЖАНИЕ

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

Баранчук В.А., Иванчик А.А.

Торговля людьми в целях сексуальной эксплуатации как форма
транснациональной организованной преступности 63

Брехова К.Ю.

Упущенная выгода: порядок расчета и проблемы доказывания. 70

Коннова Д.А.

Критерии разграничения религиозной и коммерческой эзотерической
деятельности в законодательстве США. 83

Корчагина М.В., Цветкова У.А.

Временное приостановление операций с денежными средствами
по статье 115.2 УПК РФ: новелла 2025 года, практика применения
и проблемы баланса прав 91

Максимов А.С.

Концепция двойственности источников международного частного
права 95

Снисарь Ю.В.

Угрозы национальной безопасности. 101

ПСИХОЛОГИЯ

Адель О.А.

Взаимосвязь копинг-стратегий и эмоционального выгорания
у психологов-консультантов 108

Дорошенко М.С.

Взаимосвязь профессионального стресса и психологического здоровья
у специалистов организации юридического профиля 113

ФИЛОЛОГИЯ И ЛИНГВИСТИКА

Слесарчук А.С.

Роль арамеизмов в современном израильском языке 121

ФИЛОСОФИЯ

Власов Д.П.

Тень вместо тела: диалог с LLM в свете объектно-ориентированной
онтологии Грэма Хармана 126

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

Торговля людьми в целях сексуальной эксплуатации как форма транснациональной организованной преступности

Баранчук Влада Анатольевна, студент;

Иванчик Арина Андреевна, студент

Научный руководитель: Моисеева Ирина Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы (Беларусь)

Торговля людьми в целях сексуальной эксплуатации — многообъектный состав преступления, представляющий собой сложный механизм организованной преступности, где человек рассматривается исключительно как возобновляемый товар. Ключевой вызов для современной юриспруденции заключается в разграничении добровольного оказания сексуальных услуг и криминальной эксплуатации, организованной транснациональными группами.

Ключевые слова: эксплуатация, подавление воли, уязвимость, обман, торговля, организованная преступность.

В эпоху глобализации торговля людьми превратилась в одну из наиболее латентных и высокодоходных форм транснациональной организованной преступности, обоснованно именуемую «современным рабством». Одной из форм этой преступной деятельности является торговля людьми с целью сексуальной эксплуатации, которая посягает не только на личную свободу человека, но и на человеческое достоинство, половую свободу и половую неприкосновенность личности, и иные фундаментальные права и свободы человека. В этом преступлении физические лица, независимо от пола, возраста, национальности являются объектами сделок купли-продажи, где на них накладывается право собственности, фактически приравнивая к товарам и вещам. С развитием цифровых платформ и международных логистических связей схемы становятся более сложными и скрытными, а пострадавшие разбросаны по разным юрис-

дикциям, что усложняет работу гуманитарных учреждений по оказанию им различного рода помощи.

В этой связи особое значение приобретает разграничение организации оказания сексуальных услуг за вознаграждение и торговли людьми в целях сексуальной эксплуатации. В юридической литературе под вовлечением в занятие проституцией (статья 171¹ Уголовного кодекса Республики Беларусь) понимаются действия, направленные на формирование у лица желания либо согласия заниматься оказанием сексуальных услуг за вознаграждение. Способы вовлечения могут выражаться в использовании зависимого или уязвимого положения потерпевшего, обмане, угрозах, обещании материальной выгоды и иных формах противоправного воздействия.

Принуждение к продолжению занятия проституцией представляет собой противоправное воздействие, направленное на понуждение лица к дальнейшему оказанию сексуальных услуг против его воли. По юридическим и фактическим признакам вовлечение в занятие проституцией во многом сходно с вербовкой лица в целях последующей эксплуатации, поскольку в обоих случаях применяются схожие способы воздействия, включая обман, злоупотребление доверием и принуждение. В связи с этим в правоприменительной практике возникают сложности при разграничении торговли людьми в форме вербовки с целью эксплуатации и вовлечения лица в занятие проституцией [1].

Ключевым критерием разграничения указанных деяний является характер волеизъявления потерпевшего. При организации оказания сексуальных услуг лицо сохраняет возможность свободного выбора и самостоятельно принимает решение о предоставлении таких услуг, даже если оно обусловлено тяжелым материальным положением. В случае торговли людьми воля потерпевшего подавляется посредством насилия, угроз, обмана либо использования зависимого положения, а сам человек становится объектом эксплуатации.

Согласие потерпевшего на оказание сексуальных услуг не имеет юридического значения, если оно получено преступным путем. Использование обмана, введения в заблуждение или уязвимого положения лица свидетельствует о наличии признаков торговли людьми, даже если потерпевший формально согласился на выезд за границу или заключение трудового соглашения.

Социально-экономическая нестабильность, вооруженные конфликты, гуманитарные кризисы и высокий уровень насилия создают условия, при которых лица, стремящиеся к миграции в поисках безопасности и стабильности, оказываются в уязвимом положении. Данная уязвимость способствует вовлечению людей в различные формы эксплуатации со стороны транснациональ-

ных преступных групп. Ситуация осложняется коррупцией, недостаточной эффективностью миграционных и правоохранительных механизмов, а также активностью международных криминальных сетей. Дополнительным фактором распространения данного явления выступает изменение ценностных ориентиров в обществе.

Социальные сети и цифровые платформы активно используются для вовлечения лиц в сексуальную эксплуатацию под видом высокооплачиваемой работы, материального обеспечения или личных отношений. Распространение представлений о возможности быстрого получения финансового благополучия без профессиональной реализации способствует снижению критического восприятия подобных предложений, особенно среди несовершеннолетних и молодежи. Используя интернет-платформы, мессенджеры и сервисы знакомств, вербовщики распространяют ложные сведения о финансовой независимости и отсутствии негативных последствий, тогда как фактически такие схемы связаны с сексуальной эксплуатацией и торговлей людьми.

Транснациональный характер проблемы усиливается анонимностью цифрового пространства, позволяющей использовать фиктивные аккаунты, методы психологического воздействия и дистанционную коммуникацию для вербовки потерпевших. Под видом трудоустройства, заключения брака или добровольных отношений лица нередко вовлекаются в систему долговой зависимости, сопровождающейся угрозами, насилием и ограничением свободы. В результате цифровая среда становится одним из ключевых инструментов современной торговли людьми.

Ограниченность легальных возможностей трудовой миграции и недостаточная информированность населения о рисках эксплуатации повышают вероятность вовлечения граждан в деятельность транснациональных преступных сетей. Это обуславливает необходимость совершенствования механизмов профилактики торговли людьми, повышения уровня правовой грамотности населения и развития международного сотрудничества в сфере противодействия транснациональной преступности.

Если в борьбе за незаконную торговлю оружием или наркотиками транснациональная организованная преступность имеет сильное противостояние со стороны всей мировой общественности, то в случае с торговлей людьми такая единая консолидированная борьба не всегда возможна. Связано это с нежеланием жертв торговли людьми сообщать о совершенном в отношении них преступлении и тем более сотрудничать с правоохранительными органами в целях поимки и наказания преступников [2].

Торговля людьми в целях сексуальной эксплуатации в транснациональном пространстве имеет исторические корни, предшествующие формированию современных международных организаций, включая Организацию Объединенных Наций. Масштаб трансграничной эксплуатации женщин в конце XIX века обусловил развитие международного сотрудничества в данной сфере. Существенное значение имел Международный конгресс в Лондоне 21–23 июня 1899 г., посвященный вопросам противодействия эксплуатации женщин и девишечек.

Участники конгресса признали необходимость установления уголовной ответственности за вовлечение женщин и несовершеннолетних в оказание сексуальных услуг посредством насилия, обмана, злоупотребления зависимым положением и иных форм принуждения. Также была обозначена необходимость заключения международных соглашений, направленных на координацию действий государств по пресечению деятельности лиц и групп, осуществлявших трансграничную эксплуатацию. Указанные положения стали одной из предпосылок формирования международно-правовых механизмов противодействия торговле людьми.

Уже в 1902 г. Парижская конференция разработала проект конвенции, ставший фундаментом Международной конвенции о пресечении торга женщинами 1910 г., первой глобальной попыткой криминализировать трансграничную торговлю для проституции. Эти ранние меры, по сути, лишь «расчистили путь» для дальнейших шагов, устранив наиболее вопиющие проявления зла, но не решив проблему системно. Спустя два десятилетия Женевская конвенция 1921 г. прямо объявила торговлю женщинами и детьми преступлением, а в 1933 г. криминализация распространилась даже на случаи с согласия жертвы, признав эксплуатацию независимо от воли [3].

После Второй мировой войны Конвенция 1949 г. о борьбе с торговлей людьми и эксплуатацией проституции третьими лицами консолидировала предыдущие документы, фокусируясь на транснациональных сетях. В современном транснациональном пространстве борьбу усилили Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, дополняющий Конвенцию против транснациональной организованной преступности 2000 г., Протокол против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху, дополняющий Конвенцию против транснациональной организованной преступности 2000 г. и Факультативный протокол к Конвенции о правах ребенка, касающийся торговли детьми, детской проституции и детской порно-

графии, создав комплексный механизм против глобальных потоков эксплуатации в проституции.

Чаще всего торговля людьми совершается с эгоистической целью — незаконного обогащения, часто через куплю-продажу людей и их дальнейшее использование в целях предоставления сексуальных услуг [4].

Торговля несовершеннолетними считается разновидностью торговли людьми. Преступники могут вербовать несовершеннолетних под видом легальной работы, образования или других привлекательных предложений посредством использования глобальной компьютерной сети Интернет. Часто несовершеннолетние похищаются после предложений о встрече, в некоторых случаях, а могут быть жертвами членов семьи, близких друзей или знакомых, которые злоупотребляют их доверием и вынуждают их участвовать в незаконных действиях под угрозой насилия, физического или психологического, как наказания за непослушание.

Для большего понимания проблематики данной темы стоит отметить, что торговля людьми представляет собой куплю-продажу и иные сделки в отношении человека, а равно совершение в целях эксплуатации таких альтернативных действий, как вербовка, перевозка, передача, укрывательство или получение. Под эксплуатацией понимаются использование занятия проституцией другими лицами и иные формы сексуальной эксплуатации, рабский труд (услуги), подневольное состояние.

Противоречивую позицию по указанному вопросу занимает А. Л. Репецкая. Она рассматривает вербовку в качестве первоначального этапа торговли людьми, но предлагает предусмотреть ответственность за вербовку людей в самостоятельной статье уголовного закона [5].

В юридической литературе представлена позиция, согласно которой вербовочные действия в отношении лица с целью его эксплуатации являются не оконченным составом торговли людьми, а покушением на использование рабского труда.

Представляется, вербовку с целью эксплуатации действительно нельзя рассматривать в качестве самостоятельного вида торговли людьми, поскольку данное явление имеет иную природу, нежели сделка. Однако, и расценивать данное деяние как покушение на использование рабского труда вряд ли возможно.

В соответствии со ст. 3 Протокола о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее, дополняющий Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности, принятый 15 ноября 2000 года резолюцией Генеральной Ассамблеи

ООН «торговля людьми» представляет собой осуществляемые в целях эксплуатации вербовку, перевозку, передачу, укрывательство или получение людей путем угрозы силой или ее применения или других форм принуждения, похищения, мошенничества, обмана, злоупотребления властью или уязвимостью положения, либо путем подкупа, в виде платежей или выгод, для получения согласия лица, контролирующего другое лицо. Эксплуатация включает, как минимум, эксплуатацию проституции других лиц или другие формы сексуальной эксплуатации, принудительный труд или услуги, рабство или обычаи, сходные с рабством, подневольное состояние или извлечение органов [6].

Вербовочные действия, совершаемые путем обмана, определенно представляют общественную опасность, поскольку фактически означают завладение человеком и ограничение его свободы. Именно завербованные лица, как правило, впоследствии становятся жертвами торговли людьми либо незаконной эксплуатации. Что касается совершения вербовки без принуждения, использования обмана, то в данном случае при наличии действительно добровольного согласия лица о выполнении работ, оказании услуг, и соблюдения оговоренных условий вербовщиком, отсутствует объект уголовно-правовой охраны, поскольку личная свобода не нарушается.

Таким образом, рассмотренные аспекты свидетельствуют о комплексном характере транснациональной торговли людьми в целях сексуальной эксплуатации и необходимости системного подхода к ее правовому и организационному противодействию, являющейся одной из наиболее латентных форм организованной преступности, при которой человек утрачивает фактическую свободу и используется как объект эксплуатации.

Основные трудности уголовно-правовой квалификации связаны с разграничением торговли людьми и вовлечения в оказание сексуальных услуг, что обусловлено сходством способов воздействия и необходимостью установления характера волеизъявления потерпевшего.

Современные формы данного преступления активно используют цифровые технологии и трансграничные коммуникации, что расширяет возможности вербовки и усложняет выявление преступных схем.

Эффективное противодействие возможно при сочетании уголовно-правовых, международно-правовых и профилактических мер, направленных на снижение латентности и уязвимости потенциальных жертв.

Литература:

1. Уразалиев М. К. Криминологическая характеристика проституции как одной из форм торговли людьми // Новый университет. Серия «Экономика и право». 2015. № 7 (53). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriminologicheskaya-harakteristika-prostitutsii-kak-odnoy-iz-form-torgovli-lyudmi> (дата обращения: 11.04.2026)
2. Дегтярева, А. А. История развития отечественного законодательства в сфере ответственности за торговлю людьми / А. А. Дегтярева. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2023. — № 17 (464). — С. 351–354. — URL: <https://moluch.ru/archive/464/102025>.
3. Попаденко Е. В., Красильникова Е. В. Торговля людьми: основные тенденции в мире // Образование и право. 2023. № 7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/torgovlya-lyudmi-osnovnye-tendentsii-v-mire> (дата обращения: 11.04.2026).
4. Репецкая А. Классификация криминальной эксплуатации людей // Торговля людьми: Социокриминологический анализ / Под общей редакцией Е. В. Тюрюкановой и Л. Д. Ерохиной. М., 2002. С. 61, 87.
5. Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее, дополняющий Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности Принят резолюцией 55/25 Генеральной Ассамблеи от 15 ноября 2000 года / [Электронный ресурс] //: [сайт]. — URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/protocol1.shtml?ysclid=morgqjc6un720748041 (дата обращения: 04.05.2026).
6. Вельмезева Е. А. Торговля людьми и вовлечение в занятие проституцией: вопросы разграничения и квалификации // Вестник ВУиТ. 2012. № 2 (76). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/torgovlya-lyudmi-i-vo vlechenie-v-zanyatie-prostitutsiey-voprosy-razgranicheniya-i-kvalifikatsii> (дата обращения: 11.04.2026).

Упущенная выгода: порядок расчета и проблемы доказывания

Брехова Кристина Юрьевна, студент магистратуры

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

В статье описываются методы расчета упущенной выгоды: «доходы минус расходы», «до и после», метод сопоставимых показателей, подход замещающей сделки и теория несостоявшегося приращения имущественной массы. Особое внимание сосредоточено на проблематике обоснования причинно-следственной связи, включая учет предпринимательского риска как основания для отказа в удовлетворении исковых требований. Выделена специфика взыскания упущенной выгоды в контексте нарушения коммерческой тайны, обусловленная существенным разрывом каузальной связи между фактом нарушения и недополученными доходами. Автор приходит к выводу, что законодатель установил повышенный стандарт доказывания по упущенной выгоде с целью предотвращения необоснованных требований. В статье также подчеркивается, что правоприменительная практика идет по пути корректировки расчетов, а не произвольного уменьшения сумм, что позволяет сохранить баланс интересов кредитора и должника.

Ключевые слова: упущенная выгода, методы расчета, причинно-следственная связь, предпринимательский риск, коммерческая тайна, снижение размера.

Введение
В Гражданском кодексе Российской Федерации (далее — ГК РФ) термин «упущенная выгода» определяется как доходы, которые истец мог бы получить при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено (п. 2 ст. 15 ГК РФ).

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 года № 25 подчеркнуто, что в соответствии со статьей 15 ГК РФ упущенная выгода представляет собой доход, на который увеличилась бы имущественная масса лица, право которого нарушено, если бы нарушения не было.

Убытки в теоретической литературе трактуются как выраженный в деньгах ущерб, который наносится имущественным правам пострадавшей стороны вследствие нарушения. Так, Л.А. Лунц связывал понятие убытков с противоправными деяниями контрагента или деликвента [10, с. 365], а Е.А. Суханов рассматривал их как денежную величину фактически понесенных имущественных потерь [6, с. 456–457].

Поддерживая взгляды Ю.Х. Калмыкова, следует подчеркнуть ошибочность тождественности убытков лишь результатам противоправных действий [5, с. 14–15]. Право на компенсацию убытков охватывает также случаи их возникновения вследствие правомерных мер, таких как применение обеспечительных средств согласно статье 98 Арбитражного процессуального кодекса РФ или изъятие земельных участков для общественных нужд в соответствии со статьями 57 Земельного кодекса РФ.

Сопоставление правовых систем Германии и России касаясь компенсации упущенной выгоды демонстрирует значительные различия. Согласно А.В. Егорову, немецкое право характеризуется дифференциацией оснований возмещения убытков с выделением категорий «обычное развитие событий» и «предпринятые приготовления» (§ 252 BGB), в то время как российская практика объединяет эти основания [4, с. 69]. В отличие от российского порядка в немецком праве установлен упрощенный стандарт доказывания, при котором достаточной считается обоснованная вероятность получения прибыли, а анализ обстоятельств производится на момент судебного разбирательства, а не на момент нарушения [4, с. 70–71]. Так, Федеральный Верховный Суд Германии допускает применение абстрактный метод расчета упущенной выгоды, базирующейся на модели «обычного хода вещей» в сфере предпринимательской деятельности [4, с. 72]. Фриц Штенгер в своей работе рассматривает абстрактный метод определения упущенной выгоды, предлагая заменить субъективное понятие «обычного хода вещей» объективной оценкой рыночной стоимости неисполненного обязательства [1, с. 20].

I. Методы расчета имущественной выгоды

В пункте 14 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 25, регулирующем применение положений раздела I части первой Гражданского кодекса РФ, указывается, что представленные истцом расчеты упущенной прибыли носят преимущественно вероятностный и ориентировочный характер. Тем не менее, подобная степень неопределенности не является достаточным основанием для отклонения иска.

Расчет упущенной прибыли осуществляется посредством определения суммы, которая способна компенсировать истцу недополученный доход и восстановить его имущественное положение так, как если бы нарушения прав не было. Для этого используются следующие методы [9, с. 31–35]:

А. Метод «доходы минус расходы». Этот способ, регламентируемый пунктом 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 7 от 24 марта 2016 года, предполагает оценку разницы между вероятным доходом, утраченным след-

ствие нарушения, и затратами, необходимыми для его получения. Такой подход оправдан, если нарушение препятствует ведению деятельности и получению прибыли. Например, если из-за деликта или нарушения договора встал конвейер завода, который производит автомобили, то достаточно легко подсчитать (опираясь на статистику) количество автомобилей, которое не было собрано из-за простоя. В этом случае упущенная выгода определяется как разница между недополученной выручкой и сэкономленными расходами (например, на электроэнергию, сырье и иные ресурсы) [7, с. 987]. Оценка сэкономленных расходов производится по ценам, существующим на момент рассмотрения спора в суде.

Арбитражным судом Московского округа была рассмотрена жалоба индивидуального предпринимателя Прокопчика С. Н. к ООО «Вайлдберриз» относительно товара, принадлежащего истцу, который находился на складе ответчика и был уничтожен в результате пожара. Истец потребовал компенсацию убытков в размере 4 592 235 рублей, обоснованную ценой реализации, указанной в личном кабинете, с учетом примененных скидок. Признавая вину, настаивал на уменьшении размера убытков на сумму своей комиссии, а также расходов на логистику и хранение, которые не возникли вследствие уничтожения товара. Суд первой и апелляционной инстанций удовлетворил иски, исходя из того, что отсутствие реализации товара и оказания услуг исключает основания для таких вычетов. Суд кассационной инстанции отменил решения нижестоящих судов указывая, что при повторном рассмотрении дела суды должны опираться на компенсационный принцип возмещения убытков. Так, в соответствии со статьей 15 ГК РФ под доходами, применяемыми для расчета упущенной выгоды, понимается не собственно выручка, а разница между ней и затратами, необходимыми для ее получения, то есть недополученная прибыль» [11]. Этот способ оценки упущенной прибыли получил широкое признание в судебной практике [12; 13; 14; 15; 16; 17; 18; 19; 20].

В. Метод «до и после». В пункте 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 7 от 24 марта 2016 года подтверждается обоснованность применения данного метода, основанного на анализе доходов пострадавшей стороны до и после нарушения. Его использование оправдано при снижении прибыли вследствие противоправных действий или неисполнения договорных обязательств, при условии наличия доказанной причинно-следственной связи между нарушением и уменьшением доходов. Для установления этой связи применяются различные доказательства, включая экспертные заключения, статистические и аналитические данные, а также другие документы, фиксирующие

ухудшение экономических показателей после наступления соответствующего события. При оценке учитываются также внешние факторы — изменения рыночной конъюнктуры, конкурентной среды и иные экономические факторы.

В Арбитражном суде Северо-Кавказского округа рассматривалось дело по поводу возмещения упущенной прибыли в сфере грузоперевозок. Ответчик приобрел грузовой автомобиль с дефектом, в связи с чем суд обязал выполнить гарантийный ремонт. Истец потребовал возмещение упущенной выгоды за период с 01.05.2021 по 31.12.2023, ссылаясь на отсутствие возможности эксплуатации автомобиля в этот период из-за неисправности и продолжительного ремонта, размер иска составил 49 113 595 рублей.

Суд прямо ссылается на то, что размер упущенной выгоды **может** устанавливаться «на основе данных о прибыли общества за аналогичный период времени до нарушения... и (или) после того, как это нарушение было прекращено». Суды отказали в удовлетворении иска, так как истец не представил сравнительных данных своей фактической финансовой отчетности (прибыли) за периоды до нарушения и в период предполагаемого простоя, чтобы доказать причиненный ущерб [21]. В настоящее время данный метод используется в судебной практике сравнительно редко [22; 23; 24; 25; 26; 27; 28].

С. Метод сравнимых показателей. *Если потерпевшая сторона осуществляет свою деятельность непродолжительный период времени целесообразно применять метод сравнимых показателей.* Его сущность состоит в сравнении деятельности пострадавшего субъекта с аналогичными предприятиями, функционирующими в идентичных условиях, регионах и в одно и то же время. К примеру, при установлении упущенной выгоды вследствие задержки открытия магазина оправдано сопоставление его доходов с результатами аналогичных магазинов в соседних районах. При использовании данного подхода необходимо учитывать корректировки по ключевым характеристикам: местоположение, масштаб, ассортимент, ценовая политика и иные параметры, влияющие на доходы. Метод сравнимых показателей является более гипотетическим и предполагает большее количество допущений по сравнению с иными методами оценки упущенной прибыли. В Методических рекомендациях МР-1/22 (2) от 08.12.2023 приведены примеры таких показателей: индикаторы деятельности анализируемого предприятия или актива в период до и после нарушения; показатели аналогичных субъектов на соответствующем рынке; сведения об аналогах на сопоставимых товарных рынках; аналоги на сопоставимом географическом рынке. Основным критерием выбора показателя является адекватное отражение гипотетической рыночной ситуации при отсутствии наруше-

ния [29]. Указанный метод находит незначительное отражение в сложившейся судебной практике [30; 31; 32; 33].

Д. Метод замещающей сделки. При нарушении договора с последующим расторжением пострадавшая сторона вправе требовать возмещение убытков по формуле конкретной или абстрактной ценовой разницы. Если лицо расторгнуло договор и заключило новый договор по возросшей цене, он может требовать компенсацию в виде разницы между этими сделками. При отсутствии замещающей сделки допустимо взыскание разницы между ценой расторгнутого договора и рыночной стоимостью аналогичного товара, услуги или работы. Одно дело, когда пострадавший является продавцом (арендодатель, исполнитель услуги) и именно он расторг соглашение, потому что контрагент не соблюдал условий, то он может взыскать возмещение не реального ущерба, а конкретно или абстрактно (на основе рыночных данных) рассчитанной упущенной выгоды. В этом случае кредитор теряет не сами деньги, а возможность заработать больше за тот же товар, работу, услугу (получает меньшую сумму по новому договору). Ответчик не лишен права доказывать, что истец не предпринял разумных шагов по снижению убытков, заключив сделку по заниженной (если он продавец) или завышенной (если он покупатель) цене. Для успешного взыскания упущенной выгоды сделки должны быть совершены в аналогичный период, предметы соглашений идентичны либо максимально сопоставимы, а прочие условия схожи. Существенные различия в этих **условиях** ставят под сомнение расчёт убытков на основе разницы в ценах [7, с. 991–993].

Е. Несостоявшееся приращение имущественной массы. При реализации должником товара или услуги ненадлежащего качества, размер упущенной выгоды кредитора определяется как *разница между рыночной стоимостью полученного имущества на момент передачи и ценой, по которой можно приобрести аналогичный товар (услугу) надлежащего качества*. Снижение рыночной стоимости изначально переданного имущества свидетельствует о наличии у кредитора упущенной выгоды, выражающейся в отсутствии ожидаемого прироста имущественного капитала, обусловленного ожиданиями кредитора.

Специалист выбирает метод с учетом исходных данных, которые у него есть для расчета.

II. Снижение размера упущенной выгоды

В научных исследованиях часто обсуждается, какова правовая сущность митигации убытков: рассматривается ли она как обязательство кредитора. Однако этот спор в значительной степени носит доктринальный характер. Для право-

применительной практики решающее значение имеют императивные нормы, прямо предписывающие судам уменьшать размер подлежащих взысканию убытков [2, с. 19–20].

На практике уменьшение упущенной выгоды осуществляется двумя основными методами: либо посредством подтверждения отсутствия у кредитора должной активности для предотвращения убытков, либо через уменьшение ответственности ответчика при доказанном отсутствии его вины. Таким образом, важнейшим элементом сокращения ущерба является доказательство влияния действий или бездействия кредитора на его рост.

Суды обычно либо удовлетворяют требования о возмещении упущенной выгоды в полном объеме при наличии достаточных доказательств, либо отклоняют их целиком; применение же частичного, пропорционального уменьшения суммы встречается значительно реже [34; 35; 36; 37; 38].

Арбитражный суд Уральского округа рассмотрел спор между товариществом собственников жилья «Грибоедова 74» (далее — ТСЖ) и предпринимателем П.А. Маленко. Между сторонами был заключен договор по установке и обслуживанию системы водоочистки в жилом доме. В одностороннем порядке ТСЖ расторгло данный договор и демонтировало оборудование. В другом деле этот отказ был признан недействительным, что имело преюдициальное значение. Суды первой и апелляционной инстанций удовлетворили исковые требования, возместив убытки в виде упущенной выгоды в размере 152 934 рубля 67 копеек, а также наложив штраф по договору в размере 30 000 рублей. Кассационная инстанция отметила, что данный штраф обладает зачетным характером в соответствии со статьей 394 ГК РФ, за исключением предусмотренных сторонами условий. Следовательно, возмещение убытков допустимо лишь в части, не покрытой неустойкой [39].

Правильнее констатировать, что суд произвел корректировку размера упущенной выгоды, а не ее произвольное снижение, поскольку осуществил перерасчет с учетом нормативных положений и условий контракта: из первоначального валового дохода исключены необходимые для его получения издержки, что позволило определить фактический уровень недополученной чистой прибыли, а не уменьшить уже установленный ущерб.

Пункт 75 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.06.2024 № 19 «О применении судами законодательства о добровольном страховании имущества» делегирует судам полномочие уменьшать ответственность страховщика в случаях, когда заявитель, умышленно или по неосторожности, способствовал увеличению вреда вследствие неисполнения либо ненадлежащего испол-

нения обязанностей по выплате страхового возмещения, либо при отсутствии предпринятых разумных действий для снижения ущерба.

Верховный Суд РФ в Обзоре судебной практики № 2 (2022), рассматривая дело № А45–18600/2020, подчеркивает обязанность экспедитора компенсировать клиенту упущенную прибыль в полном объеме при повреждении или утрате груза по своей вине, что закреплено императивной норме — пункте 4 статьи 7 Федерального закона от 30.06.2003 № 87-ФЗ «О транспортно-экспедиционной деятельности». Любые договоренности, ограничивающие данную компенсацию, признаются недействительными, а общие положения о снижении убытков (пункт 1 статьи 15 ГК РФ) к этой категории правоотношений неприменимы [3, с. 67–71].

Исходя из анализа судебной практики, можно констатировать, что суды достаточно редко снижают размер упущенной выгоды, в отличие от для взыскания данной категории убытков, направленные на предотвращение злоупотреблений. Если кредитор преодолел этот высокий барьер доказывания, значит, он уже представил достаточно убедительные и, как правило, документально подтвержденные расчеты, включающие бизнес-планы, договоры с контрагентами, статистические показатели предыдущих периодов и экспертные заключения. **Судебная практика исключает оценку целесообразности или справедливости заявленных убытков, ограничиваясь проверкой достоверности представленных доказательств.** Суды не «уменьшают» упущенную выгоду, а **корректируют ее расчет.**

III. Причинно-следственная связь

Как указывает судебная практика, кредитор должен предоставить доказательства того, что нарушение обязательства со стороны должника послужило единственным препятствием для получения упущенной выгоды [40; 41; 42; 43; 44].

1. Заявленные убытки являются прямым следствием нарушения обязательства;

2. Если бы нарушение не произошло, то убытки бы не возникли.

Согласно п. 5 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7: *«Если убытки являются обычным (естественным и логичным) следствием допущенного должником нарушения договора, то причинная связь между нарушением и убытками предполагается».*

IV. Предпринимательский риск

Основанием для отказа в возмещении упущенной прибыли является признание предпринимательского риска допустимым при убытках, возникающих

в обычной хозяйственной деятельности истца в условиях рыночной неопределенности, а не вследствие противоправного действия или бездействия ответчика.

Суды исходят из того, что предпринимательская деятельность по своей природе всегда сопряжена с риском неполучения прибыли или возникновения убытков. В ситуациях, когда указанные риски обусловлены макроэкономическими условиями, влиянием третьих лиц или инициативой истца, а не нарушением обязательств со стороны ответчика, требования о компенсации упущенной прибыли, как правило, не удовлетворяются [45; 46; 47; 48; 49; 50; 51; 52]. Вместе с тем, судебная практика иногда допускает исключения из указанного правила. Вместе с тем, судебная практика допускает исключения из указанного правила.

Так, в Девятом кассационном суде общей юрисдикции было рассмотрено дело, по которому ООО «СтройДорСервис» взыскивало с гражданина ФИО1 упущенную выгоду за простой автогрейдер, поврежденного в ДТП по вине ответчика (нарушение ПДД, неосторожная вина). На момент аварии техника сдавалась в аренду по договору. Суд первой инстанции, рассчитав убытки, снизил сумму к взысканию до 550 000 руб., учтя имущественное положение ответчика-гражданина (ст. 1083 ГК РФ). Апелляция, поддерживая ответственность, снизила сумму до 250 000 руб., дополнительно сославшись на предпринимательский риск истца. Суд установил вину ответчика в ДТП и прямую причинно-следственную связь с простым арендованной техники, что являлось основанием для взыскания упущенной выгоды. Однако, применяя ст. 1083 ГК РФ, суд снизил сумму взыскания, учтя: 1) неосторожный характер вины; 2) тяжелое имущественное положение ответчика-гражданина; 3) вероятностный, а не гарантированный характер предпринимательского дохода, что является неотъемлемым риском деятельности истца. Таким образом, риск был учтен не для отказа, а для соразмерного уменьшения размера ответственности [53].

V. Упущенная выгода при нарушении коммерческой тайны

Основная проблема при взыскании упущенной выгоды по спорам о коммерческой тайне заключается в необходимости доказать не сам факт нарушения (разглашения или использования информации), а прямую причинно-следственную связь между этим нарушением и конкретными неполученными доходами. По такой категории споров суды крайне редко удовлетворяют требования о взыскании упущенной выгоды в полном объеме, а чаще всего отказывают в них полностью [54; 55; 56; 57; 58; 59; 60; 61]. Ключевым барьером является «разрыв каузальной цепи»: истец должен убедительно доказать,

что именно незаконное использование его секрета привело к снижению его прибыли или росту доходов конкурента, и что этих убытков можно было бы избежать, если бы нарушения не было.

Типичные ситуации споров, где заявляется требование о взыскании упущенной выгоды из-за нарушения коммерческой тайны, можно разделить в три основных группы. Первая группа — уход ключевого сотрудника к конкуренту с информацией. Бывший директор, менеджер или технолог, имевший доступ к базам данных, технологиям или клиентским спискам, переходит в конкурирующую организацию и начинает использовать полученные сведения. Например, в деле о клинике «ДокторНейро» [62] врач и администратор, уволившись, предположительно передали клиентскую базу новой клинике. Проблема доказывания здесь в том, что сложно отделить использование именно конфиденциальной информации от законного использования сотрудником своих профессиональных навыков и наработанных личных связей с клиентами.

Второй группа — создание конкурирующего бизнеса партнёром или участником компании. Соучредитель или контрагент, получивший доступ к коммерческим секретам в рамках сотрудничества, создаёт новую компанию и начинает конкурировать, используя полученные знания. В качестве примера можно привести дело ООО «Форма» [63], где участник общества, выйдя из него, учредил компанию с аналогичным видом деятельности. Сложность в том, чтобы доказать, что успех новой компании основан именно на украденных секретах производства.

Третья группа — недобросовестное получение технологий. Конкурент любым путём (через подкуп сотрудников, хакерские атаки, анализ отходов производства) добывает секреты производства (ноу-хау) и налаживает выпуск схожей продукции, как например, в деле о страховочных жилетах «Рельеф Плюс» [64]. Основная сложность — доказать тождество технологий и подтвердить, что столь быстрый выход конкурента на рынок с аналогичным продуктом невозможен без заимствования охраняемой информации. Во всех этих ситуациях общим остаётся высокий стандарт доказывания: истцу необходимо предоставить суду конкретные, документированные свидетельства того, какая именно информация была использована, как это повлияло на рыночную позицию и как рассчитан каждый рубль требуемой к взысканию упущенной выгоды.

К. В. Пронин отмечает, что вред от разглашения коммерческой тайны почти всегда выражается в упущенной выгоде (потеря конкурентных преимуществ), а не в реальном ущербе. Однако взыскать эти убытки сложно: нужно доказать их размер. Проще всего это сделать, если нарушитель сам получил доход от ис-

пользования секрета. В этом случае владелец тайны может потребовать возмещения упущенной выгоды в размере не меньше доходов нарушителя [8, с. 57–58].

Выводы:

1. Существует несколько методов расчета размера упущенной выгоды. Исходя из судебной практики наиболее часто используются два метода: «доходы минус расходы» и метод «до и после».

2. Упущенная выгода снижается судами значительно реже, чем неустойка, поскольку закон устанавливает для неё высокий барьер доказывания, исключая спекуляции. Суд не «снижает» сумму, а корректирует расчёт, проверяя его обоснованность и причинную связь. Однако для повышения эффективности защиты прав и баланса интересов сторон целесообразно закрепить в ГК РФ отдельную норму, предоставляющую суду возможность соразмерного уменьшения размера подлежащей взысканию упущенной выгоды в случаях, когда её расчёт, хотя и доказан, носит явно несоразмерный характер последствиям нарушения либо, когда кредитор умышленно или по грубой неосторожности содействовал увеличению размера убытков.

3. Упущенная выгода, как правило, не взыскивается, если суд устанавливает, что причиной убытков стала реализация собственного предпринимательского риска истца, а именно общие рыночные условия, его собственные решения или действия третьих лиц, не связанные с прямым противоправным поведением ответчика.

4. Взыскание упущенной выгоды при нарушении коммерческой тайны на практике почти невозможно. Суды устанавливают недостижимо высокий стандарт доказывания, требуя от истца точных доказательств прямой причинно-следственной связи между разглашением тайны и конкретными потерянными доходами.

Литература:

1. Stenger F. Struktur und Analyse der abstrakten Schadensberechnung im Kauf- und Mietrecht // — Berlin: Duncker & Humblot, 2023.
2. Акимова И. И. Смешанная вина и снижение убытков при нарушении договора // *Опыты цивилистического исследования: сборник статей / рук. авт. колл. и отв. ред.: А. М. Ширвиндт, Н. Б. Щербаков. — Вып. 3: специальный выпуск к юбилею профессора Евгения Алексеевича Суханова. — Москва: Статут, 2019.*

3. Борисов А. Н. Комментарий к Федеральному закону от 30 июня 2003 г. № 87-ФЗ «О транспортно-экспедиционной деятельности» (постатейный) (2-е изд., перераб. и доп.) // — Москва: Юстицинформ, 2025
4. Егоров А. В. Упущенная выгода: проблемы теории и противоречия практики // Убытки и практика их возмещения: сб. ст. / отв. ред. М. А. Рожкова. — М.: Статут, 2006.
5. Калмыков Ю. Х. Обязательства, возникающие вследствие причинения вреда имуществу: автореф. дис... канд. юрид. наук. Харьков, 1962.
6. Новицкий, И. Б. Общее учение об обязательстве // М.: Госюриздат, 1950.
7. Основные положения гражданского права: постатейный комментарий к статьям 1–16.1 Гражданского кодекса Российской Федерации. // Отв. ред. А. Г. Карапетов. — Москва: М-Логос, 2020.
8. Пронин К. В. Защита коммерческой тайны // — Москва: ГроссМедиа, 2006.
9. Анатомия убытков / О. Ф. Егорова, Д. П. Жарский, И. П. Жарский [и др.] // — Москва: Статут, 2023. — С. 216.
10. Российское гражданское право: Учебник: В 2-х томах. Том I. Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права // Отв. ред. Е. А. Суханов. — М.: Статут, 2011.
11. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 27.02.2025 N Ф05–756/2025 по делу N А41–24203/2024
12. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 28.07.2025 N Ф05–10979/2025 по делу N А41–47933/2024
13. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 17.07.2024 N Ф05–10398/2023 по делу N А40–41849/2022
14. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 08.09.2022 N Ф05–19732/2022 по делу N А40–222027/2021
15. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 01.02.2022 N Ф06–9988/2021 по делу N А72–4071/2019
16. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 17.04.2025 N Ф10–239/2025 по делу N А83–20506/2023
17. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 28.05.2025 N Ф09–1414/25 по делу N А60–20744/2023
18. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 04.09.2025 N Ф07–8992/2025 по делу N А56–51017/2024
19. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 05.03.2024 N Ф09–9502/23 по делу N А60–52985/2022

20. Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 31.01.2019 по делу N А33–3503/2017
21. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 20.11.2025 N Ф08–5403/2025 по делу N А53–25765/2024
22. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 20.12.2022 N 305-ЭС22–11906 по делу N А40–96008/2021
23. Постановление Шестнадцатого арбитражного апелляционного суда от 05.12.2025 N 16АП-1754/2024 по делу N А63–20406/2023
24. Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 03.12.2025 N 11АП-11893/2025, 11АП-11940/2025, 11АП-11941/2025 по делу N А55–22127/2024
25. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 11.07.2023 N 09АП-28345/2023 по делу N А40–66709/2022
26. Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 07.04.2024 N 15АП-19209/2023 по делу N А53–12444/2022
27. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 16.09.2022 N Ф06–21742/2022 по делу N А55–24435/2020
28. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 12.08.2024 N Ф05–9503/2024 по делу N А40–46840/2023
29. Методические рекомендации «Определение размера упущенной выгоды» МР-1/22 (2) от 08.12.2023 с дополнениями от 12.01.2026
30. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 16.02.2024 N Ф09–8740/23 по делу N А60–7811/2022
31. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 30.10.2024 N 88–26792/2024 (УИД 13RS0025–01–2023–001317–42)
32. Определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 23.04.2025 по делу N 88–2224/2025 (УИД 26RS0010–01–2023–000247–36)
33. Определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 27.03.2025 N 88–2594/2025 (УИД 05RS0038–01–2022–016465–71)
34. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 2 сентября 2024 г. по делу N А27–18312/2022
35. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 26 августа 2024 г. по делу N А81–3156/2021
36. Постановление Восточно-Сибирского округа от 17 марта 2025 г. N Ф02–538/2025

37. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 31 июля 2025 г. По делу N А27–24113/2022
38. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 24 октября 2025 г. N Ф09–3521/25
39. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 10 июля 2023 г. N Ф09–3700/23
40. Определение Верховного суда Российской Федерации от 4 июля 2025 г. N 5-КГ25–47-К2
41. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 23 декабря 2025 г. по делу N А40–47676/2025
42. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 28 октября 2025 г. по делу N А40–241956/2022
43. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 15 июля 2025 г. по делу N А41–56429/2023
44. Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 16.08.2023 N 07АП-1414/2023 (2,3) по делу N А27–7297/2022
45. Определение Верховного суда от 15 августа 2025 г. N 305-ЭС25–6246 по делу N А41–107536/2023
46. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 17 июля 2024 г. по делу N А70–25276/2022
47. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 7 августа 2024 г. N Ф09–3590/24 по делу N А60–59789/2022
48. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 3 сентября 2024 г. по делу N А40–59965/2023
49. Определение Верховного суда Российской Федерации от 5 августа 2024 г. N 307-ЭС24–11853 по делу N А42–7561/2022
50. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 21 июня 2022 г. N Ф03–2392/2022
51. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 31 марта 2025 г. по делу N А41–107536/2023
52. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 23 декабря 2025 г. по делу N А40–128826/21
53. Определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 22 июля 2025 г. N 88–5707/2025
54. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 24.08.2016 N Ф06–12016/2016 по делу N А06–9624/2015

55. Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 10.08.2023 N 17АП-8360/2023-ГК по делу N A60-1432/2023
56. Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 1 августа 2023 г. N 15АП-10829/2023 по делу N A32-60798/2022
57. Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 08.04.2024 N 11АП-2904/2024 по делу N A55-22419/2023
58. Постановление Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 23.04.2021 N 12АП-3035/2021 по делу N A12-26432/2020
59. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 22 апреля 2021 г. N 09АП-15675/2021, 09АП-16072/2021 по делу N A40-1922/20
60. Апелляционное определение Московского городского суда от 19.08.2020 по делу N 2-7932/2019, 33-26594/2020
61. Апелляционное определение Московского городского суда от 26 июня 2020 г. по делу N 33-15973/2020
62. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 1 апреля 2021 г. N 09АП-5413/2021, 09АП-5414/2021 по делу N A40-73188/20;
63. Постановление Второго арбитражного апелляционного суда от 07.08.2023 N 02АП-4604/2023
64. Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 31.05.2021 по делу № A45-14237/2018

Критерии разграничения религиозной и коммерческой эзотерической деятельности в законодательстве США

Коннова Дария Алексеевна, студент магистратуры

Казанский (Приволжский) федеральный университет

*В статье рассматривается эволюция правовых подходов к разграничению религиозной и коммерческой эзотерической деятельности в судебной практике США. Анализ ключевых прецедентов Верховного суда позволяет выделить несколько этапов трансформации критериев, среди которых отказ оценивать «истинность» религиозных доктрин, что известно по делу *United States v. Ballard* (1944), разработка индикаторы «организационной структуры» для предоставления налоговых льгот. Современный же этап сталкивается с проблемой «коммерциализации эзотерики». Автор показывает, что американское право движется от делегитимации эзотерических групп как «заведомо мошен-*

нических» к их легитимации. Условием легитимации выступает соблюдение институциональных критериев. При этом сохраняется «серая зона» для практик, которые сочетают духовные и коммерческие элементы.

Ключевые слова: эзотерическая деятельность, эзотерика, религия, коммерческая услуга, прецедентное право США, Первая поправка, налоговая легитимация, гадание.

Одной из ключевых правовых проблем в регулировании эзотерической деятельности в США является определение её правового статуса. Вопрос заключается в том, следует ли считать практики, такие как астрология, таро, рейки, спиритизм, духовное консультирование или энергетическое исцеление, формой религиозного самовыражения, защищаемой Первой поправкой Конституции, или же это обычные коммерческие услуги, предоставляемые за вознаграждение и подлежащие общему гражданскому и налоговому законодательству.

Так, если деятельность признаётся религиозной, организация может получить освобождение от федерального налога на прибыль в соответствии с разделом 501 (с) (3) Налогового кодекса США. Организации получают право на налоговые вычеты за пожертвования, а сама деятельность остаётся вне сферы государственного лицензирования на уровне штатов. В противном случае такая деятельность облагается налогами, подпадает под законы о защите прав потребителей и может быть ограничена (а в некоторых штатах еще и уголовно наказуема) местными нормативными актами, запрещающими гадание за плату.

Как отмечает исследователь Чарльз МакКрари, «тест на искренность» религиозных убеждений стал краеугольным камнем американской юриспруденции [5]. Однако искренность веры сама по себе не создаёт автоматически правовой статус религии. Перед судами фактически встала необходимость разработки объективных критериев, позволяющих отличать подлинные религиозные объединения от коммерческих предприятий, маскирующихся под религиозные организации.

История развития этих критериев показывает эволюцию от абстрактного уважения к доктринам и отказа судов от оценки содержания верований, как это было в деле *Ballard v. United States* 1944 года, к разработке конкретных организационных тестов. Современные судебные решения всё чаще опираются на такие признаки, как наличие постоянных обрядов, иерархической структуры, системного обучения, а также отсутствие стремления к извлечению прибыли. Эти критерии помогают различать религиозные общины и «коммерческий эзоте-

рический бизнес», особенно в контексте споров о налоговом статусе викканских и Нью-Эйдж сообществ.

Отправной точкой современной американской правовой доктрины в области разграничения религии и мошенничества стало дело *United States v. Ballard*, рассмотренное Верховным судом США в 1944 году. Основатель движения «Я Есмь» Гай Баллард, а также его жена, были обвинены в мошенничестве с использованием почтовых отправок. Они утверждали, что обладают сверхъестественными способностями, включая исцеление неизлечимых болезней, и собирали пожертвования на этой основе. Правительство выдвинуло обвинение, согласно которому заявления о наличии способностей были ложными, а значит, доказывают умысел на обман.

Историк Кристин Коркос отмечает, что до 1940-х годов судьи и присяжные часто относились к спиритуализму и его последователям с недоверием. Дело Балларда изменило этот подход. Верховный суд, в решении, составленном судьей Уильямом Дугласом, постановил, что присяжные не вправе оценивать истинность или ложность религиозных доктрин. Судья Дуглас указал, что «Отцы-основатели были хорошо осведомлены о существовании „крайних взглядов религиозных групп“ и предусматривали „самую широкую возможную терпимость к конфликтующим взглядам“» [11]. Он признал, что верования движения «Я Есмь» «могут показаться невероятными, если не абсурдными» для некоторых, но добавил, что если бы суды могли проверять истинность таких утверждений, то пришлось бы применять тот же подход ко всем религиозным группам. Первая поправка, подчеркнул он, «не выделяет какую-либо одну группу или один тип религии для предпочтительного обращения» [11].

Это решение стало фундаментальным для легитимации эзотерических практик. Журналист-расследователь Скотт Карни отмечает, что решение по делу Балларда не просто защитило религиозные формы обмана, «оно кодифицировало лазейку, которой современные шарлатаны пользуются до сих пор» [1, С. 12].

Однако решение Верховного суда было принято не единогласно. Главный судья Харлан Файск Стоун выразил несогласие, заявив, что свобода мысли и богослужения не означает права получать деньги на основе заведомо ложных утверждений о религиозном опыте [11]. Судья Роберт Джексон также не согласился, указав, что наиболее убедительным доказательством искренности убеждений является их соответствие реальному опыту человека [11].

Профессор права Уильям П. Маршалл подчеркивает, что запрет на оценку истинности религиозных убеждений соответствует принципам Первой по-

правки, но не исключает возможности судебного вмешательства, когда такие убеждения приводят к нерелигиозному вреду [4]. Тем не менее, после этого дела ни суд, ни государственные органы не могли запрещать или преследовать деятельность только на том основании, что астрология «не работает» или что таро — это «суеверие» [4].

Хотя дело Гая Балларда защитило право индивидов на искреннюю религиозную веру, даже если она казалась необычной или непонятной, организации, претендующие на официальный статус религиозной группы и связанные с ним налоговые льготы, столкнулись с более строгими требованиями. Внутренняя налоговая служба (IRS) и федеральные суды разработали многофакторный критерий для оценки подлинности религиозной организации. В частности, к ключевым признакам относятся: наличие исторической традиции, четко сформулированной доктрины, свода священных текстов, регулярных богослужений, организованного священства, добровольного членства и, что особенно важно, отсутствие коммерческой или корпоративной цели, как указано в деле *Sklar v. Commissioner*.

В этом деле рассматривался «Духовный центр жизненной энергии», который позиционировал себя как религиозный храм и предлагал «энергетическое исцеление» и «общение с духовными сущностями» [7]. Налоговый суд отказал ему в статусе религиозной благотворительной организации, поскольку платежи за обучение не соответствовали критериям благотворительных взносов — средства не передавались исключительно в целях религиозной или духовной поддержки, а были платой за услуги [7]. Судья подчеркнул, что использование религиозной лексики не делает коммерческую деятельность религиозной.

Еще более ярким примером стало дело *Spiritual Psychic Science Church of Truth, Inc. v. Commissioner*. Организация предлагала «чтение ауры», «психические консультации» и «регрессию в прошлые жизни». Несмотря на то, что основатели искренне верили в свои практики, суд отказал им в статусе церкви. Причина заключалась в отсутствии настоящей общинной структуры: не было регулярных богослужений, религиозной иерархии или устойчивой конгрегации. Более того, основным и практически единственным источником дохода были платы за консультации, а не добровольные пожертвования: «[Организация] функционировала как коммерческое предприятие... Освобождение от налогов является привилегией, а не правом. Для того чтобы претендовать на него, организация должна ясно показать, что она соответствует статусу «церкви...» Налогоплательщик не достиг этого» [8]. Федеральный апелляционный суд подтвердил решение налоговых органов лишить духовный

центр статуса религиозной благотворительной организации, поскольку его деятельность была по сути коммерческой, а не религиозной [8].

Одним из самых спорных и широко обсуждаемых примеров легитимации эзотерической группы через формальные организационные критерии стала Церковь Саентологии¹. На протяжении десятилетий Налоговая служба США (IRS) отказывала саентологам в статусе религиозной организации, настаивая, что их деятельность носит коммерческий, а не религиозный характер. Однако в 1993 году, после многолетних судебных и переговорных процессов, IRS внезапно изменил свою позицию и официально признал Церковь Саентологии и её корпоративные образования религиозными, благотворительными учреждениями, освобождёнными от уплаты налогов. Как отмечает Los Angeles Times, «после десятилетий вражды Служба внутренних доходов предоставила Церкви Саентологии и более чем 150 ее корпоративным образованиям статус освобожденных от налогов, постановив, что они являются благотворительными религиозными организациями» [9].

Журналист Seattle Times подчеркнул, что для саентологов этот шаг означал не просто налоговое освобождение, но и моральное признание: «Теперь можно утверждать, что миллионы долларов пожертвований не попадают в карманы руководства, а направляются на религиозные цели» [2]. 8 октября 1993 года около 10 000 последователей собрались в Los Angeles Sports Arena, чтобы отпраздновать решение IRS, которое, по словам лидера церкви, «легитимировало Саентологию как церковь, а не как коммерческую корпорацию» [2].

Этот случай демонстрирует, что даже при крайне нестандартных эзотерических практиках, таких как работа с «инграммами», «тетанами» или «прошлыми жизнями», наличие формализованной иерархии, писаной доктрины, священства, регулярных обрядов и добровольного членства может быть достаточным для признания организации религиозной, независимо от того, насколько её учения кажутся необычными или коммерчески ориентированными с внешней точки зрения.

Однако судьи подчеркивают, что «предоставление астрологического чтения за фиксированную плату, без ритуального контекста или религиозного наставничества, — это не акт поклонения, а консультационная услуга. В этом отношении церковь ничем не отличается от астролога на ярмарке» [2]. Таким образом, даже признанная религия не может автоматически легитимизировать

¹ Деятельность организации признана нежелательной на территории РФ

любую эзотерическую практику, именно контекст, а не идентичность, определяет правовую квалификацию.

В то время как налоговые органы всё чаще признают эзотерические практики легитимными на основе организационных критериев, уголовные и гражданские суды в США также сдвинулись от делегитимации эзотерики как «заведомого обмана» к ее легитимации через требование доказывания субъективного умысла. Важным событием в этой трансформации стало дело *Trimble v. City of New Iberia*, в котором федеральный суд постановил, что местный ордонанс, запрещающий гадание, нарушает Первую поправку, поскольку «прямо ограничивает речь на основе её содержания — а именно речь, связанную с гаданием, хиромантией, предсказанием будущего и подобными практиками» [10].

Ещё более значимым стал прецедент *Moore-King v. County of Chesterfield*. Патрисия Мур-Кинг, известная как «*Psychic Sophie*», оспорила местные нормативы, ограничивающие деятельность «гадалок». Первоначально суд первой инстанции классифицировал предсказание будущего как «квинтэссенцию обмана» (*quintessential deception*), но апелляционный суд Четвёртого округа отменил это решение. Так, в решении апелляционного суда говорится: «Гадание не является обязательно мошенническим или обманчивым просто в силу того, что оно включает предсказательную речь» [6]. Суд подчеркнул, что «такая практика не может быть автоматически лишена защиты Первой поправки» [6], и добавил: «Первая поправка предоставляет некоторую степень конституционной защиты деятельности Мур-Кинг» [6].

Однако суд не признал её деятельность религиозной. Он пояснил, что ее убеждения скорее носят личный и философский характер, а не соответствуют глубоким, систематизированным религиозным доктринам, разделяемым организованной общиной, заслуживающей конституционной защиты [6]. Таким образом, было установлено важное правовое разграничение. Предсказательная речь подпадает под защиту Первой поправки как свобода слова, но для признания религиозного статуса данных практик требуется наличие организованной, структурированной вероисповедной традиции. Это означает, что эзотерические практики могут легитимизироваться не через веру, а через право на выражение, даже если их содержание остаётся спорным.

При этом, несмотря на растущую тенденцию к легитимации эзотерических практик в правовом поле, сохраняется значительная «серая зона». В эту зону относят организации, которые совмещают подлинные религиозные элементы с коммерческой деятельностью. Как отмечает Кристин Коркос, многие спиритуалисты до сих пор находятся в напряжении с правовой системой

и общественным восприятием, поскольку спиритуализм, будучи децентрализованной и преимущественно женской религиозной традицией, трудно укладывается в традиционные правовые категории [3, С. 42].

А исследователь Ван Сяо предупреждает, что в последние десятилетия Верховный суд США ни разу не отказался признать истца неискренним в вопросах религии, что порождает риски. По его мнению, религиозная свобода мысли может превратиться в бесконтрольный механизм обхода законов [12, С. 137]. В то же время, как отмечает Коркос, правоохранительные органы всё реже выдвигают обвинения в мошенничестве. Вместо этого всё чаще применяются регуляторные инструменты: зонирование, лицензирование, требования к рекламе и раскрытию информации. Это свидетельствует о сдвиге от уголовного преследования к административному управлению эзотерической сферой [3, С. 46].

Таким образом, современное правовое поле США стремится ни к полной легитимации, ни к полному запрету, а к контекстуальному регулированию эзотерических практик. Американские суды и IRS при рассмотрении дел обращают внимание на наличие трех категорий. Первая категория включает внутреннюю религиозную практику, защищённую Первой поправкой и налоговыми льготами. Вторая категория охватывает коммерческую деятельность по предоставлению эзотерических услуг, которая облагается налогами. Третья категория представляет собой гибридные формы. Решающими факторами при использовании регуляторных инструментов остаются наличие организованной конгрегации, формальной иерархии, регулярных ритуалов, добровольного финансирования, а также различие между религиозным образованием для членов и платными услугами для широкой публики.

Литература:

1. Carney, S. How a 1944 Supreme Court Case Legalized Religious Scams, Wellness Gifts, and Pyramid Schemes / S. Carney. — Текст: электронный — URL: <https://www.scottcarney.com/blog/how-a-1944-supreme-court-case-legalized-religious-scams-wellness-grifts-and-pyramid-schemes> (дата обращения: 10.05.2026).
2. Church And Its Corporations Are Granted Tax-Exempt Status. — Текст: электронный — URL: <https://archive.seattletimes.com/archive/19931013/1725872/irs-scientology-end-their-wars—church-and-its-corporations-are-granted-tax-exempt-status> (дата обращения: 13.05.2026).

3. Corcos, C.A. The Scrying Game: The First Amendment, State Regulation of the Crafty Sciences, and the Rise of Spiritualism, 1848–1944 / C.A. Corcos. — Текст: непосредственный // Whittier Law Review. — 2017. — № 38 (1). — С. 1–46.
4. Marshall, W.P. Smith, Ballard, and the Religious Inquiry Exception to the Criminal Law / W.P. Marshall. — Текст: непосредственный // Texas Tech Law Review. — 2011. — № 44 (1). — С. 239–262.
5. McCrary, C. Sincerely Held: American Secularism and Its Believers / C. McCrary. — Chicago: University of Chicago Press, 2022. — 296 с. — Текст: непосредственный.
6. Moore-King v. County of Chesterfield, VA, No. 11–2183 (4th Cir. 2013). — Текст: электронный // Justia Law: [сайт]. — URL: https://law.justia.com/cases/federal/appellate-courts/ca4/11-2183/11-2183-2013-02-26.html?__cf_chl_rt_tk=q0AkYW6TvnIz_JQfSII0IyhZSu8gQUyT0WqlhuDnaVw-1778792136-1.0.1.1-0ugscNCcX9EfYVB0qjnO_pOst0AZOHZWgV-VrAgUHIjI (дата обращения: 10.05.2026).
7. Sklar v. Comm’r, 549 F. 3d 1252 (9th Cir. 2008). — Текст: электронный // Justia Law: [сайт]. — URL: https://cases.justia.com/federal/appellate-courts/ca9/09-10471/09-10471-2013-12-05.pdf?ts=1411075396&__cf_chl_rt_tk=RwZwDvDbjEV8N_py13Iguu89kb0G.SPbY_941YSXhPc-1778792622-1.0.1.1-2nQoySUThd_lmiyinBkQIV75R2eZj9tWeSMS1zvr8fU (дата обращения: 10.05.2026).
8. Spiritual Psychic Science Church of Truth, Inc. v. Commissioner (T.C. Memo 1989–638). — Текст: электронный — URL: <https://caselaw.findlaw.com/court/ca-court-of-appeal/1841256.html> (дата обращения: 13.05.2026).
9. Tax-Free Status OKd for Church of Scientology. — Текст: электронный — URL: <https://www.latimes.com/archives/la-xpm-1993-10-13-mn-45325-story.html> (дата обращения: 13.05.2026).
10. Trimble v. City of New Iberia, 73 F. Supp. 2d 659 (W.D. La. 1999). — Текст: электронный // Justia Law: [сайт]. — URL: <https://law.justia.com/cases/federal/district-courts/FSupp2/73/659/2313272/> (дата обращения: 10.05.2026).
11. United States v. Ballard, 322 U. S. 78 (1944). — Текст: электронный // Justia U.S. Supreme Court Center: [сайт]. — URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/322/78/?__cf_chl_rt_tk=DC8pBJV4PGbHoooH8o.kjzDO-4pOcv5LGOWW3nL2dHD4-1778791991-1.0.1.1-2cX.Yc8w0juViPOzzL.G8bTrynGS9.rsi5g_GdoT1B8 (дата обращения: 10.05.2026).

12. Wang, X. Sacred Thoughts, Secular Harms / Wang, X. — Текст: непосредственный // Columbia Law Review Forum. — 2025. — № 125 (1). — С. 133–168.

Временное приостановление операций с денежными средствами по статье 115.2 УПК РФ: новелла 2025 года, практика применения и проблемы баланса прав

Корчагина Милена Вадимовна, студент;

Цветкова Ульяна Артемовна, студент

Научный руководитель: Овчинникова Наталья Олеговна, кандидат юридических наук, доцент

Саратовская государственная юридическая академия

Статья посвящена анализу новой статьи 115.2 УПК РФ (2025), вводящей временное приостановление операций с денежными средствами на банковских счетах и электронных кошельках на срок до 10 суток. Рассматриваются порядок применения меры, её эффективность в борьбе с цифровой преступностью, положительные результаты, а также риски нарушения прав собственности и предложения по совершенствованию нормы.

Ключевые слова: статья 115.2 УПК РФ, временное приостановление операций, меры процессуального принуждения, цифровая преступность, банковские счета, баланс прав.

Федеральный закон от 31 июля 2025 года № 278-ФЗ внес изменения в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. Новая статья вступила в силу уже 1 сентября 2025 года. Она предоставила следователю с согласия руководителя следственного органа, а дознавателю с согласия прокурора право выносить постановление о приостановлении операций на срок до десяти суток [1, с. 45].

Целью новой меры является предотвращение быстрого вывода денежных средств подозреваемым или обвиняемым до момента получения судебного решения об аресте имущества по статье 115 УПК РФ. В эпоху мгновенных банковских переводов и цифровых кошельков традиционные механизмы обеспечения часто запаздывают. Статья 115.2 призвана закрыть этот пробел.

Процедура начинается с того, что следователь или дознаватель должен располагать достаточными основаниями полагать, что денежные средства используются для финансирования преступной деятельности либо сокрытия преступных доходов. Постановление должно быть мотивированным. После согласования оно направляется в кредитную организацию или оператору связи в электронном виде. Банк или оператор обязан немедленно приостановить соответствующие операции.

На практике механизм показал наибольшую эффективность по делам о дистанционном мошенничестве. В 2025–2026 годах следователи Следственного комитета и МВД активно применяли данную норму против организованных групп, использовавших подставные счета в Сбере, Тинькофф Банке, а также электронные кошельки. Кредитные организации в большинстве случаев исполняют требования в течение нескольких часов после поступления запроса. Это создает важное оперативное окно для дальнейших следственных действий.

Мы считаем, что введение статьи 115.2 было своевременным решением. Она соответствует реалиям цифровой преступности, где средства могут исчезнуть за считанные минуты. Ранее следователи часто сталкивались с ситуацией, когда после возбуждения дела деньги уже переводились на карты иностранных банков или в криптовалюту.

Анализ доступных данных показывает, что новая мера позволяет повысить процент возмещения ущерба потерпевшим. Особенно заметен эффект в делах с большим количеством эпизодов мошенничества. Быстрая блокировка счетов дает возможность сохранить денежные потоки для последующего ареста и конфискации.

Кроме того, статья 115.2 хорошо сочетается с получением информации о соединениях между абонентами по статье 186.1 УПК РФ. Следователь может одновременно отслеживать финансовые переводы и телефонный трафик, выстраивая более полную доказательственную базу. В регионах с высоким уровнем киберпреступности (Москва, Санкт-Петербург, Московская область) это заметно ускорило расследование.

Несмотря на очевидные преимущества, применение новой нормы вызывает серьезные вопросы. Прежде всего, речь идет о внесудебном характере ограничения конституционного права собственности. Десятисуточный срок без судебного контроля представляет собой ощутимое вмешательство в имущественные права лица, вина которого еще не установлена судом.

В одном из изученных дел в Московской области следователи приостановили операции по счету индивидуального предпринимателя, подозреваемого

в мошенничестве в сфере предпринимательской деятельности. Блокировка затронула не только сомнительные поступления, но и обычные платежи контрагентам. В результате деятельность компании была парализована на десять дней. После истечения срока постановление не продлевалось, однако предприниматель понес значительные финансовые и репутационные потери. Жалоба в суд была удовлетворена частично, но восстановить бизнес в полном объеме не удалось.

Подобные примеры заставляют задуматься о соразмерности применяемых ограничений. Формулировка «достаточные основания полагать» оставляет широкое поле для субъективного усмотрения должностных лиц. В условиях неравномерной судебной практики в разных регионах это повышает риск злоупотреблений.

Еще одна проблема связана с технической стороной исполнения. Не все кредитные организации и операторы связи одинаково оперативно реагируют на запросы. В небольших банках или в отдаленных субъектах Российской Федерации задержки могут достигать двух-трех дней. Это существенно снижает эффективность меры.

Мы полагаем, что текущая редакция статьи 115.2 недостаточно сбалансирована. Отсутствуют четкие критерии достаточности оснований, порядок обязательного уведомления владельца счета и механизм ускоренного судебного обжалования в период действия ограничения.

Надежда Анатольевна Моругина в монографии 2026 года подчеркивает, что цифровая трансформация уголовного процесса требует новых обеспечительных мер, однако они должны строго соответствовать принципам разумности, необходимости и пропорциональности [2, с. 178–180]. Мы полностью разделяем эту позицию.

Сергей Владимирович Зуев отмечает, что появление подобных норм отражает общую тенденцию усиления оперативных возможностей следствия в борьбе с киберпреступностью. При этом ученый предупреждает об опасности смещения баланса в сторону обвинения [3, с. 92].

Наша собственная оценка заключается в следующем. Статья 115.2 нужна и полезна. Однако без дополнительных процессуальных гарантий она рискует стать источником новых нарушений прав граждан. Необходимо развивать норму, а не отказываться от нее.

Для минимизации рисков мы предлагаем следующие изменения:

1. Закрепить в законе обязанность следователя уведомлять владельца счета о примененной мере в течение 24 часов (за исключением случаев, когда это может помешать расследованию).

2. Установить четкие примерные критерии «достаточных оснований» в ведомственных инструкциях Следственного комитета и МВД.

3. Предусмотреть возможность обжалования постановления о приостановлении операций в районный суд в порядке статьи 125 УПК РФ в течение всего срока действия меры.

4. Ввести обязательный ежегодный обзор практики применения статьи 115.2 Верховным Судом Российской Федерации.

Реализация этих предложений позволила бы сохранить эффективность инструмента и одновременно повысить уровень защиты прав участников процесса.

Временное приостановление операций с денежными средствами по статье 115.2 УПК РФ стало заметным шагом в цифровизации уголовного судопроизводства. Новая мера отвечает вызовам современной преступности и демонстрирует положительные результаты на практике. В то же время она требует дальнейшего совершенствования для обеспечения баланса между интересами государства и правами личности.

Мы убеждены, что только при условии постоянного научного сопровождения, мониторинга практики и своевременной корректировки законодательства цифровизация уголовного процесса будет приносить реальную пользу обществу, не нарушая фундаментальных принципов справедливости и состоятельности.

Литература:

1. Федеральный закон от 31 июля 2025 г. № 278-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2025. № 31.
2. Моругина Н.А. Цифровая трансформация уголовного судопроизводства России и зарубежных стран: монография. М.: Норма, 2026. 368 с.
3. Зуев С.В. Электронное уголовное дело: теоретические и практические проблемы. М.: Юрист, 2025. 256 с.
4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (с изменениями на 2026 год).
5. Обзор судебной практики по вопросам применения мер процессуального принуждения. Подготовлен Верховным Судом РФ (2026).

Концепция двойственности источников международного частного права

Максимов Артём Сергеевич, студент

Научный руководитель: Буторина Татьяна Николаевна, кандидат юридических наук, доцент

Волго-Вятский институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (г. Киров)

В данной научной работе представлен анализ источников международного частного права. Статья раскрывает понятие источника международного частного права, перечисляются и анализируются виды источников МЧП и их особенности (договоры, внутреннее законодательство государств, обычай, судебная практика). Исследуется концепция двойственности источников МЧП. В статье проводится анализ значимости отдельных видов источников международного частного права.

Ключевые слова: международное частное право, источники права, концепция двойственности, право, юриспруденция, национальное законодательство, международные договоры.

The concept of duality of sources of international private law

Maksimov Artyom Sergeevich, student

Scientific adviser: Butorina Tatyana Nikolaevna, candidate of legal sciences, associate professor

Volga-Vyatka Institute (branch) of Moscow State Law University named after O.E. Kutafin (Kirov)

This scientific work presents an analysis of the sources of international private law. The article reveals the concept of the source of international private law, lists and analyzes the types of sources of international private law and their features (treaties, domestic legislation of states, custom, and judicial practice). The article explores the concept of the duality of sources of international private law. The article analyzes the significance of certain types of sources of international private law.

Keywords: private international law, sources of law, dualism concept, law, jurisprudence, national legislation, international treaties.

Международное частное право — это совокупность юридических норм национального права, международных договоров, обычаев, которые регулируют трудовые, гражданско-правовые и иные частноправовые отношения, осложненные иностранным элементом [1]. Источники МЧП имеют важное значение, так как без них было бы невозможно сотрудничество между странами.

Под источниками права чаще всего понимают некий вид существования норм права. Международное частное право — система юридических норм отличается уникальной природой своих источников. Их двойственный характер напрямую вытекает из особенностей общественных отношений, составляющих предмет МЧП. Эти отношения носят частноправовой характер, но осложнены присутствием иностранного элемента, то есть затрагивают интересы двух и более государств. Именно эта межгосударственная связь и порождает специфику источников данной отрасли. С одной стороны, МЧП является частью внутреннего права страны, поэтому его источники имеют национально-правовую природу. С другой стороны, оно регулирует международные правоотношения в сфере гражданского права, что делает международное право самостоятельным источником для этой отрасли. Подтверждением этой двойственности служит нормативная структура МЧП: унифицированные международные нормы — как материальные, так и коллизионные — органично входят в неё и являются неотъемлемой частью.

Традиционно выделяют четыре основных вида источников международного частного права:

1. международные договоры;
2. национальное законодательство;
3. судебная и арбитражная практика;
4. правовые обычаи.

Особого внимания заслуживают также нормы, принимаемые межправительственными организациями для регулирования конкретных международных частноправовых отношений. Хотя большинство из них носит рекомендательный характер, они применяются от имени государств-участников и обладают существенным юридическим весом.

Своеобразие источников МЧП продиктовано его предметом: имущественными и неимущественными отношениями между частными лицами, которые связаны с правопорядками нескольких государств.

Основные концепции источников МЧП:

1. Концепция «двойственности» источников МЧП (две отдельные категории источников — национальные и международные).

2. Концепция «гомогенности» (однородности) источников МЧП, их «национального» характера (решения Постоянной палаты международного правосудия по делам о сербских и бразильских займах (1929)).

3. Концепция «комплексности» источников МЧП [2].

В доктрине «двойственности» источников МЧП бытует предположение о так называемом «двойственном» характере всех источников МЧП. Это предположение подразумевает, что к источникам МЧП относятся не только национальные правовые, но и международно-правовые виды источников. Большинство норм, которые входят в систему МЧП, были созданы в виде международных договоров, но могут быть созданы и в виде обычаев. Международное частное право и национальное право страны — системы, которые не находятся в подчинении друг другу, но при этом взаимодействуют друг с другом [3].

К национальным источникам относят национальное законодательство, судебная и арбитражная практика, а к международным — международный договор, международный обычай, международная судебная практика.

Правовые системы государств условно делятся на три группы:

1. Страны, кодифицировавшие МЧП в рамках отраслевых актов (например, Россия: раздел VI части третьей ГК РФ, раздел VII СК РФ, глава XXVI КТМ РФ).

2. Страны, принявшие специальные кодификационные законы по МЧП (например, Закон о международном частном праве 1965 года в Польше).

3. Страны, не имеющие кодификации МЧП (Великобритания, США) [4].

В отечественной науке продолжается дискуссия о целесообразности первого способа регулирования. Неоднократно высказывалось мнение о необходимости специальной кодификации норм МЧП, разрабатывались и обсуждались соответствующие законопроекты.

Особое значение имеют нормы Конституции Российской Федерации: общепризнанные принципы и нормы международного права, а также международные договоры России признаются неотъемлемой частью её правовой системы (п. 4 ст. 15 — приоритет международного договора в случае расхождения с внутренним законодательством); конституционные гарантии поддержки конкуренции, свободы экономической деятельности (п. 1 ст. 8), права на предпринимательскую деятельность (п. 1 ст. 34); защита прав российских граждан за границей (ст. 61); правовой статус иностранных граждан и возможность двойного гражданства (ст. 62) и другие [5].

Гражданский кодекс РФ также играет ключевую роль. Согласно ст. 2 ГК РФ, правила, установленные гражданским законодательством, применяются к отношениям с участием иностранных граждан, лиц без гражданства и иностранных

юридических лиц, если иное не предусмотрено федеральным законом. Таким образом, правила ГК РФ не применяются к гражданским отношениям с иностранным элементом, когда международным договором предусмотрено иное [6].

Международные договоры — это соглашения между государствами. Они классифицируются на многосторонние и двусторонние, универсальные и региональные. Двусторонние договоры отличаются большей детальной проработкой и учётом интересов договаривающихся сторон.

Для того чтобы регулировать внутригосударственные отношения и устанавливать права и обязанности физических и юридических лиц, международные договоры должны стать частью правовой системы государства и приобрести юридическую силу национального права.

Порядок присоединения России к международным договорам определяется Федеральным законом от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации». В соответствии со ст. 14 этого закона ратификация международных договоров осуществляется в форме федерального закона. В отдельных случаях согласие на обязательность договора может выражаться в иной форме, например, правовыми актами Президента или Правительства (скажем, постановлением о присоединении) [7].

Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 31 октября 1995 года «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» разъяснил: суд не может руководствоваться нормами национального права, если действующий для России международный договор, обязательность которого принята в форме федерального закона, устанавливает иные правила. В таком случае применяются правила международного договора [8].

Обычай — это сложившееся на практике устойчивое правило, обладающее общеобязательной юридической силой. Нормы, закрепляемые обычаями, имеют преимущественно материально-правовой характер. Как отмечал Л.А. Лунц, лишь по очень немногим вопросам коллизии законов можно опираться на международный обычай; в коллизионном праве его роль, за редкими исключениями, ограничена нормами, вытекающими из принципа государственного суверенитета [9].

В национальном праве источником выступает санкционированный обычай — правило, которому государство придаёт юридическую силу. В современных условиях санкционированный обычай всё реже служит источником права (исключение составляют некоторые развивающиеся страны, особенно африканские, где обычное право по-прежнему сильно). Соответственно, в той

мере, в какой обычай признаётся источником национального права, он может быть и источником МЧП — чаще всего в сфере предпринимательской и коммерческой деятельности.

Различают обычаи международно-правовые (устойчивое правило, за которым государства признают юридическую силу — *opinio juris*) и торговые, или обычаи делового оборота. Последние сложились в результате отношений между физическими и юридическими лицами разных государств в предпринимательской сфере и особенно значимы в области международной торговли и торгового мореплавания.

В российской правовой системе (как и в других странах романо-германской семьи) судебная практика формально не является источником права: суды не обладают законодательными полномочиями и не создают норм права своими решениями. Однако она способствует совершенствованию законодательства, толкованию права, восполнению пробелов и обеспечению единообразного применения норм.

Напротив, в странах англо-американской системы права (Великобритания, Австралия, Новая Зеландия, США, Канада) судебная практика рассматривается как полноценный источник МЧП. Поскольку в этих государствах МЧП часто понимается как коллизионное право, судебные прецеденты играют здесь основополагающую роль [10].

Хочется отметить на основании вышесказанного, источники права — это внешние формы выражения правотворческой деятельности государства, то есть акты компетентных государственных органов, которые устанавливают нормы права.

Касательно понятия «источник МЧП» применяют несколько иной подход. А именно, под источниками подразумеваются как сами формы правовых актов, в которых эти нормы содержатся и которые регулируют общественные отношения в области международного права, но и непосредственно нормы, содержание и систему которых формирует международное право.

Литература:

1. Стригунова Д. П. К вопросу об источниках международного частного права Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 8. — С. 12. [Электронный ресурс] — URL: <https://cyberleninka.ru/>

2. Симонова, А. Е. Концепция двойственности источников международного частного права / А. Е. Симонова, Ю. А. Головкина. — Текст: электронный // Молодой ученый. — 2021. — № 22 (364). — С. 391–393. — URL: <https://moluch.ru/archive/364/81609>.
3. Ануфриева, Л. П. Международное частное право. В 3-х т. Общая часть. Т. 1. / Л. П. Ануфриева. — Москва: БЕК, 2002. — 288 с. — ISBN 5–85639–263–9. — Текст: электронный. — URL: <https://moluch.ru/>
4. Богуславский, М. М. Международное частное право. Учебник. / М. М. Богуславский. — Москва: Юристъ, 2010. — 462 с. — ISBN 5–7975–0375–1. — Текст: электронный. — URL: <https://znanium.ru/>
5. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс] — URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 03.04.2026).
6. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.03.2026) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025) [Электронный ресурс] — URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 04.04.2026).
7. Федеральный закон от 15.07.1995 N 101-ФЗ (ред. от 08.12.2020) «О международных договорах Российской Федерации» [Электронный ресурс] — URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 04.04.2026).
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.1995 N 8 (ред. от 03.03.2015) «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» [Электронный ресурс] — URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 04.04.2026).
9. Лунц Л. А. Курс международного частного права. Общая часть. — Москва: Госюриздат., 1963. 679 с. — Библиогр. в подстр. примеч. — ISBN 978–5–00156–041–8. — Текст: электронный. [Электронный ресурс] — URL: <https://znanium.ru/>
10. Звеков, В. П. Коллизии законов в международном частном праве / В. П. Звеков. — М.: Вол-терс Клувер, 2007 — С. 53. — Текст: электронный. [Электронный ресурс] — URL: <https://znanium.ru/>

Угрозы национальной безопасности

Снисарь Юлия Владимировна, студент магистратуры

Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Саратов)

В статье рассматриваются внутренние и внешние угрозы национальной безопасности с учетом специфики текущей ситуации. Проводится анализ правовых основ, в которых раскрывается сущность и характер угроз национальной безопасности Российской Федерации, отраженных в Конституции РФ, федеральных законах, базовых документах долгосрочного стратегического планирования нормативных правовых актах Президента Российской Федерации. Внутренние угрозы — это наличие попыток изменения конституционного строя в Российской Федерации, подрыв суверенитета; нарушение единства и территориальной целостности и т.д. Внешние угрозы — приближение НАТО к российским границам, развертывание или увеличение воинских контингентов иностранных государств на территориях, граничащих с Россией, создание и развертывание систем ПВО и высокоточного оружия и т.д. Рассмотрены основные военные угрозы Российской Федерации, проанализированы общие черты и некоторые особенности современных военных конфликтов с участием США и их союзников, а также указаны предложения по совершенствованию законодательства в сфере национальной безопасности.

Ключевые слова: национальная безопасность, национальные интересы, стратегические национальные приоритеты, угрозы национальной безопасности, система обеспечения национальной безопасности.

В непростых современных условиях, когда современный мир переживает период трансформации, страны Запада стремятся сохранить свою гегемонию, растет геополитическая нестабильность, усиливаются межгосударственные противоречия вопросы исследования угроз национальной безопасности являются достаточно актуальными.

Современная Россия уверенно идет по пути динамичного развития, неуклонно ведущего к прогрессивным изменениям в политической, экономической, социальной и духовных сферах, несмотря на непрерывное, ожесточенное вмешательство со стороны западных держав, проведение ими санкционной политики, их стремление удержать ранее существовавший однополярный мир.

Указанные условия непременно ведут к совершенствованию системы обеспечения обороноспособности и национальной безопасности российского го-

сударства. Выступая перед сотрудниками органов федеральной службы безопасности, Президент Российской Федерации, в частности, отметил: «Сегодня динамично меняющаяся ситуация в мире, появление новых угроз и рисков предъявляют повышенные требования ко всей системе органов безопасности России, а это значит, что вы должны серьезно усилить работу по ключевым направлениям, максимально использовать для этого свой оперативный, технический, кадровый потенциал».

Опыт проведения специальной военной операции показывает, что без укрепления собственных Вооруженных Сил, военно-промышленного комплекса Россия не сможет обеспечить государственный суверенитет, при этом не отказываясь от мирного урегулирования вооруженного конфликта [2].

Основные положения, раскрывающие сущность и характер внешних и внутренних угроз национальной безопасности Российской Федерации, отражены в Конституции Российской Федерации [1], Федеральном законе от 28.12.2010 № 390-ФЗ «О безопасности» [4], Федеральном законе от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» [5], Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [6].

В Стратегии национальная безопасность РФ представлена, как «состояние защищенности национальных интересов Российской Федерации от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан, достойные качество и уровень их жизни, гражданский мир и согласие в стране, охрана суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, социально-экономическое развитие страны» [2].

Согласно п. 1 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации геополитическая обстановка в современной России характеризуется последовательно проводимым Российской Федерацией курсом на укрепление обороноспособности, внутреннего единства и политической стабильности, на модернизацию экономики и развитие промышленного потенциала, который обеспечил укрепление суверенной государственности России как страны, способной проводить самостоятельную внешнюю и внутреннюю политику, эффективно противостоять попыткам внешнего давления.

В процессе реализации задач по обеспечению обороноспособности и безопасности Российской Федерации наращивается политический, экономический и духовный потенциал государства, направленный на снижение рисков и угроз национальной безопасности.

Курс, взятый на обеспечение военной, экономической, энергетической, продовольственной безопасности, успешно реализуется в настоящее время.

Для обеспечения национальной безопасности Российской Федерации проводится ряд мероприятий, направленных:

- на повышение уровня экономического развития и повышения качества жизни граждан России;
- преодоление негативных демографических тенденций и решение системных проблем в области здравоохранения;
- снижение уровня бедности и расслоения общества по уровню доходов;
- развитие научного потенциала, повышение качества и доступности образования;
- улучшение состояния окружающей среды (п. 14 раздел 2 Стратегии).

Политическая нестабильность и усиление военного влияния Организации Североатлантического договора (НАТО) в Западной Европе, способствуют повышению угрозы использования Вооруженных Сил РФ на территории других государств, созданию предпосылок для нарушения норм и принципов международного права, ослаблению межгосударственных политических и экономических связей. В связи с чем нарастает напряженность военно-политической обстановки в отдельных регионах, в том числе вблизи государственной границы Российской Федерации.

Странами Запада проводятся мероприятия, направленные на разрушение Содружества Независимых Государств, дезинтеграцию процессов в целях разрушения связей России с ее традиционными союзниками. Ряд государств называет Россию угрозой и даже военным противником. Увеличивается опасность перерастания вооруженных конфликтов в локальные и региональные войны, в том числе с участием ядерных держав (п. 17 раздел 2 Стратегии).

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации угроза национальной безопасности определяется как совокупность условий и факторов, создающих прямую или косвенную возможность нанесения ущерба национальным интересам (п. 5 раздел 1 Стратегии).

Необходимо отметить, что любые попытки напрямую или косвенно нанести ущерб национальным интересам России квалифицируются как угрозы национальной безопасности.

Судебная практика по делам, связанным с угрозами национальной безопасности, охватывает широкий спектр ситуаций — от административных правонарушений до уголовных дел и чрезвычайных мер в сфере здравоохранения.

В 2024–2025 гг. судебная практика в сфере обеспечения национальной безопасности Российской Федерации демонстрирует тенденцию к ужесточению. Это выражается в рекордном росте числа приговоров за государственную измену, шпионаж и конфиденциальное сотрудничество с иностранными структурами, а также в увеличении количества дел террористической и экстремистской направленности.

По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в 2024 году всего вынесли 257 приговоров по делам о госизмене, шпионаже и разглашении гостайны [3]:

Государственная измена (ст. 275 УК РФ) — в 2024 году осуждено 145 человек (рост в 4 раза по сравнению с 2023 годом). За первую половину 2025 года — 105 человек.

Шпионаж (ст. 276 УК РФ) — в 2024 году осуждено 24 человека (рост в 2,5 раза). За первую половину 2025 года — 11 человек.

В 2024 году экстрадировано 877 подозреваемых и обвиняемых, 224 осужденных переданы для отбывания наказания за рубеж. За 8 месяцев того же года по запросам РФ выдали 120 обвиняемых, скрывавшихся за границей.

По делам о терроризме и экстремизме в первой половине 2025 года осуждены 938 человек (на 42,5% больше, чем в 2024 г.). В 2024 году за преступления террористической направленности осуждено около 1000 лиц.

Также в 2024–2025 гг. ключевым трендом стало ужесточение ответственности в сфере деятельности «иностраннх агентов» при некоторой стабилизации по другим направлениям, на фоне общего сокращения числа административных дел на 17% за три года.

По делам о дискредитации ВС РФ (ст. 20.3.3 КоАП РФ) за 2024 год в Санкт-Петербурге оштрафовали 52 человека на сумму 1,65 млн руб., в Свердловской области — 45 человек. Всего с 2022 г. суды рассмотрели минимум 848 дел за устные высказывания в общественных местах.

В 2025 г. зарегистрированы 2 241 экстремистское преступление и 5 920 террористических. При этом количество дел по ст. 20.3, 20.3.1, 20.29 КоАП РФ впервые снизилось на 8%.

По результат приведенной статистики можно предложить следующие изменения в законодательстве:

1. Уточнение понятийного аппарата УК РФ. Расширить и конкретизировать понятие «переход на сторону противника» в ст. 275 УК РФ, убрав оценочные формулировки, и разработать критерии для «конфиденциальной основы» по ст. 275.1 УК РФ.

2. Усиление профилактической направленности законодательства. Ввести институт уголовно-правового предупреждения для ст. 275 и 275.1 и расширить инструменты прокурорского надзора за законностью при расследовании.

3. Совершенствование международно-правового сотрудничества. Ускорить ратификацию договоров о правовой помощи со странами СНГ и внести изменения в УПК РФ для цифровизации процесса исполнения запросов.

4. Совершенствование Стратегии национальной безопасности РФ (п. 5). Конкретизировать определение угрозы для каждой сферы (экономической, информационной и др.) и обновить перечень рисков (искусственный интеллект, биологические угрозы).

5. Законодательное закрепление мер по защите информации. Установить в ФЗ «О безопасности» и ФЗ «О государственной тайне» единые стандарты защиты критической инфраструктуры и ограничить доступ к данным через VPN.

6. Унификация статуса «иноагента». Объединить разрозненные реестры (СМИ, физлица, НКО) в единый и законодательно закрепить в ФЗ «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием» понятный перечень обязанностей.

7. Гуманизация ответственности за экстремизм. Для снижения нагрузки на суды (в 2024 г. возвращено 441 тыс. протоколов) заменить арест по ст. 20.3 и 20.3.1 КоАП на систему предупреждений для первичных нарушений, не связанных с прямым призывом к насилию.

8. Процессуальная экономия. Оптимизировать механизм привлечения к ответственности по ст. 20.33 КоАП РФ («нежелательные организации»), создав специализированные составы в районных судах приграничных регионов (например, в Ростовской области) для ускорения рассмотрения дел.

9. Расширение составов в сфере информационной безопасности. Инициировать принятие поправок в КоАП РФ, вводящих ответственность за распространение противоправного контента с использованием технологий распределенного хранения данных.

В современном мире угрозы национальной безопасности становятся все более разнообразными и комплексными. Опыт ведущих зарубежных стран показывает, что к традиционным военным угрозам добавились нетрадиционные: киберугрозы, терроризм, экономические и экологические риски, пандемии и информационные войны. Рассмотрим, как эти угрозы воспринимаются и купируются в США, Великобритании и Китае.

Основными угрозами США являются международный терроризм, киберугрозы, распространение оружия массового уничтожения, экономическая и по-

литическая конкуренция со стороны Китая и России, внутренние вызовы (социальная нестабильность, расовые конфликты).

Особенности подхода:

- Стратегия национальной безопасности США регулярно обновляется и охватывает как военные, так и невоенные аспекты.
- Особое внимание уделяется кибербезопасности, защите критической инфраструктуры, борьбе с транснациональной преступностью.
- США активно используют международные альянсы (НАТО, «Большая семерка», «Большая двадцатка») для коллективного противодействия угрозам.
- В последние годы акцент смещается на конкуренцию с Китаем и Россией, а также на укрепление внутренней устойчивости к гибридным угрозам.

Основными угрозами Великобритании являются терроризм и экстремизм, киберугрозы, ослабление международного порядка, гибридные угрозы (вмешательство в выборы, дезинформация), экономические и энергетические риски.

Особенности подхода:

- В Великобритании действует Совет национальной безопасности, координирующий работу всех силовых структур.
- Особое внимание уделяется кибербезопасности, защите информации, развитию партнерств с союзниками (США, Франция, Германия, Австралия).
- После Brexit страна стремится сохранить тесное сотрудничество с ЕС в сфере безопасности.
- Гражданское общество активно вовлекается в обеспечение безопасности (например, через обучение населения действиям в чрезвычайных ситуациях).

Основными угрозами Китая являются сепаратизм и попытки свержения власти, терроризм, экономические и финансовые кризисы, угрозы в сфере энергетики, продовольствия, экологии, информационная безопасность.

Особенности подхода:

- Китай реализует «всеобъемлющую концепцию национальной безопасности», охватывающую политическую, экономическую, военную, культурную, экологическую и информационную сферы.
- Закон о национальной безопасности возлагает обязанности по защите безопасности не только на госорганы, но и на граждан и организации.
- Особое внимание уделяется технологической независимости, защите критической инфраструктуры, борьбе с киберугрозами.

- Китай активно участвует в миротворческих операциях ООН и развивает международное сотрудничество по борьбе с терроризмом и пиратством.

Подводя итог, следует отметить, что угрозы национальной безопасности в российском государстве проявляются на наиболее важных стратегических направлениях, которые затрагивают политическую, военную, экономическую, информационную и другие жизненно важные сферы жизнедеятельности. Главными угрозами национальной безопасности Российской Федерации объективно существуют и реализуются за счет задействования технологий, политико-дипломатической, экономической, информационной борьбы, различных подрывных действий и вмешательства во внутренние дела страны. Также зарубежный опыт показывает важность регулярного обновления доктрин национальной безопасности с учетом новых вызовов, указывает на обязательность международного сотрудничества, а также на вовлечение граждан и бизнеса в обеспечение безопасности.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).
2. Правовое обеспечение национальной безопасности: учебник для вузов / под редакцией Ю.Н. Туганова. — 3-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2026. — 168 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-12531-3.
3. Сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ.
4. Федеральный закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ (ред. от 10.07.2023) «О безопасности».
5. Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ (ред. от 13.07.2024) «О стратегическом планировании в Российской Федерации».
6. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».

ПСИХОЛОГИЯ

Взаимосвязь копинг-стратегий и эмоционального выгорания у психологов-консультантов

Адель Ольга Андреевна, студент магистратуры

Тольяттинский государственный университет (Самарская область)

В статье представлены результаты исследования взаимосвязи копинг-стратегий, эмоционального выгорания и удовлетворенности жизнью у психологов-консультантов. В исследовании приняли участие 25 специалистов организации, оказывающей психологическую поддержку населению. Использовались MBI, COPE и SWLS. Выявлено, что в выборке наблюдается умеренный уровень профессионального выгорания с преобладанием эмоционального истощения. Установлена обратная связь между индексом профессионального выгорания и удовлетворенностью жизнью. Конструктивные копинг-стратегии связаны с более низким уровнем выгорания, а ряд неадаптивных стратегий — с его усилением.

Ключевые слова: эмоциональное выгорание, копинг-стратегии, психологи-консультанты, профессиональный стресс, удовлетворенность жизнью, MBI, COPE, SWLS.

Введение

Профессиональная деятельность психологов-консультантов связана с высокой эмоциональной нагрузкой, регулярным взаимодействием с кризисными переживаниями клиентов и необходимостью сохранять эмпатию, устойчивость и профессиональную включенность. В классической модели К. Маслач профессиональное выгорание рассматривается как синдром, включающий эмоциональное истощение, деперсонализацию и редукцию профессиональных достижений [7; 8]. Для специалистов помогающих профессий данная проблема особенно значима, поскольку эмоциональное состояние психолога влияет не только на его собственное благополучие, но и на качество оказываемой помощи [1; 2; 9].

Одним из факторов, связанных с устойчивостью специалиста к профессиональному стрессу, являются копинг-стратегии. В подходе Р. Лазаруса и С. Фолкман копинг рассматривается как совокупность когнитивных и поведенческих усилий, направленных на преодоление стрессовой ситуации или изменение отношения к ней [6]. Конструктивные стратегии могут способствовать снижению напряжения, тогда как избегание, отрицание и фиксация на негативных переживаниях способны усиливать проявления выгорания [3; 4; 5].

Цель исследования — выявить особенности используемых копинг-стратегий у психологов-консультантов и определить их связь с уровнем эмоционального выгорания и удовлетворенности жизнью.

Гипотеза исследования состояла в предположении о том, что конструктивные копинг-стратегии связаны с более низким уровнем профессионального выгорания и более высокой удовлетворенностью жизнью, тогда как неадаптивные стратегии связаны с более высоким уровнем выгорания и снижением субъективного благополучия.

Материалы и методы

Исследование проводилось на базе организации, оказывающей психологическую поддержку населению. В выборку вошли 25 психологов-консультантов: 19 женщин и 6 мужчин. Возраст участников составил от 26 до 60 лет, средний возраст — 38,4 года.

Для диагностики применялись: опросник профессионального выгорания Маслач (MBI), опросник совладающего поведения COPE и шкала удовлетворенности жизнью SWLS [4; 5; 7; 10]. Обработка данных включала расчет средних значений и корреляционный анализ с использованием коэффициента ранговой корреляции Спирмена.

Результаты исследования

На первом этапе были рассчитаны средние значения по основным показателям профессионального выгорания и удовлетворенности жизнью.

Таблица 1. Средние значения показателей MBI и SWLS

Показатель	Среднее значение
Эмоциональное истощение	39,52
Деперсонализация	19,84
Редукция профессиональных достижений	9,84
Индекс профессионального выгорания	0,368
Удовлетворенность жизнью SWLS	23,7

Полученные данные показывают, что в выборке наблюдается умеренный уровень профессионального выгорания. Наиболее выраженным компонентом является эмоциональное истощение, что указывает на значительную эмоциональную нагрузку. При этом уровень удовлетворенности жизнью соответствует значениям выше среднего.

Анализ копинг-стратегий показал, что наиболее выраженными являются позитивное переформулирование, эмоциональная социальная поддержка, мысленный уход, активное совладание и принятие. Наименее выраженными оказались использование «успокоительных», обращение к религии и отрицание.

Таблица 2. Наиболее и наименее выраженные копинг-стратегии CORE

Копинг-стратегия	Среднее значение
Позитивное переформулирование	2,964
Эмоциональная социальная поддержка	2,944
Мысленный уход	2,752
Активное совладание	2,692
Принятие	2,688
Отрицание	2,360
Обращение к религии	2,300
Использование «успокоительных»	2,268

Корреляционный анализ выявил значимую обратную связь между индексом профессионального выгорания и удовлетворенностью жизнью: $r_s = -0,556$ при $p \leq 0,01$. Следовательно, чем выше уровень профессионального выгорания, тем ниже удовлетворенность жизнью.

Также были обнаружены значимые обратные связи между индексом профессионального выгорания и рядом конструктивных копинг-стратегий: позитивным переформулированием ($r_s = -0,478$; $p = 0,0157$), активным совладанием ($r_s = -0,408$; $p = 0,0427$), эмоциональной социальной поддержкой ($r_s = -0,424$; $p = 0,0346$), принятием ($r_s = -0,451$; $p = 0,0235$) и планированием ($r_s = -0,403$; $p = 0,0460$).

Прямые значимые связи были выявлены между индексом профессионального выгорания и отрицанием ($r_s = 0,701$; $p = 0,0001$), концентрацией на эмоциях ($r_s = 0,490$; $p = 0,0129$), использованием «успокоительных» ($r_s = 0,452$; $p = 0,0234$). Это свидетельствует о том, что данные способы совладания связаны с более выраженными проявлениями профессионального выгорания.

Анализ взаимосвязи SWLS и копинг-стратегий показал, что более высокий уровень удовлетворенности жизнью связан с активным совладанием, планированием, принятием, позитивным переформулированием, юмором и социальной поддержкой. Напротив, снижение удовлетворенности жизнью связано с отрицанием, использованием «успокоительных» и обращением к религии.

Обсуждение результатов

Полученные результаты подтверждают представления о том, что копинг-стратегии связаны с профессиональным выгоранием и субъективным благополучием психологов-консультантов. Активное совладание, планирование, принятие и позитивное переформулирование могут способствовать сохранению субъективного контроля над стрессовой ситуацией и снижению эмоционального напряжения [3; 4; 6].

Особое значение имеет эмоциональная социальная поддержка. Для специалистов, работающих с кризисными и эмоционально насыщенными запросами, возможность обращения за поддержкой может снижать риск эмоциональной изоляции и способствовать сохранению профессиональной устойчивости. Значение социальной поддержки, профессиональной рефлексии и супервизии как факторов профилактики выгорания отмечается в исследованиях специалистов помогающих профессий [9; 11].

Вместе с тем не все копинг-стратегии имеют однозначный характер. Некоторые стратегии, обычно относимые к избегательным, могут выполнять функцию кратковременного восстановления, однако при устойчивом использовании способны препятствовать активному решению профессиональных трудностей [3; 4].

Заключение

Проведенное исследование позволило выявить особенности взаимосвязи копинг-стратегий, профессионального выгорания и удовлетворенности жизнью у психологов-консультантов. Установлено, что в выборке наблюдается умеренный уровень профессионального выгорания с преобладанием эмоционального истощения.

Гипотеза исследования получила частичное подтверждение. Конструктивные копинг-стратегии связаны с более низким уровнем профессионального выгорания и более высокой удовлетворенностью жизнью. Наиболее значимыми ресурсными стратегиями выступают позитивное переформулирование, активное совладание, эмоциональная социальная поддержка, принятие и планирование. Неадаптивные стратегии, прежде всего отрицание, концентрация на эмоциях

и использование «успокоительных», связаны с более высоким уровнем профессионального выгорания.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования полученных результатов при разработке мер профилактики эмоционального выгорания психологов-консультантов. Особое внимание целесообразно уделять развитию активных способов совладания, поддержанию профессиональных границ, супервизии, коллегиальной поддержке и навыкам эмоциональной саморегуляции.

Литература:

1. Барабанщикова В. В., Мешкова П. Р. Синдром выгорания психологов-консультантов и их представления о содержательных трудностях профессии // Мир психологии. — 2016. — № 4 (88). — С. 131–140.
2. Быкова М. С. Особенности профессионального выгорания психологов-консультантов с различными особенностями личности и разным стажем // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. — 2022. — № 4. — С. 193–208.
3. Битюцкая Е. В. Успешность копинга // Психология. Журнал Высшей школы экономики. — 2022. — Т. 19, № 2. — С. 382–404.
4. Рассказова Е. И., Гордеева Т. О., Осин Е. Н. Копинг-стратегии в структуре деятельности и саморегуляции: психометрические характеристики и возможности применения методики COPE // Психология. Журнал Высшей школы экономики. — 2013. — Т. 10, № 1. — С. 82–118.
5. Carver C. S., Scheier M. F., Weintraub J. K. Assessing coping strategies: a theoretically based approach // Journal of Personality and Social Psychology. — 1989. — Vol. 56, № 2. — P. 267–283.
6. Lazarus R. S., Folkman S. Stress, Appraisal, and Coping. — New York: Springer, 1984. — 445 p.
7. Maslach C., Jackson S. E. The measurement of experienced burnout // Journal of Organizational Behavior. — 1981. — Vol. 2, № 2. — P. 99–113.
8. Maslach C., Schaufeli W. B., Leiter M. P. Job burnout // Annual Review of Psychology. — 2001. — Vol. 52. — P. 397–422.
9. O'Connor K., Neff D. M., Pitman S. Burnout in mental health professionals: a systematic review and meta-analysis of prevalence and determinants // European Psychiatry. — 2018. — Vol. 53. — P. 74–99.

10. Diener E., Emmons R.A., Larsen R.J., Griffin S. The Satisfaction With Life Scale // Journal of Personality Assessment. — 1985. — Vol. 49, № 1. — P. 71–75.
11. Van Hoy A., Rzeszutek M. Burnout and psychological wellbeing among psychotherapists: a systematic review // Frontiers in Psychology. — 2022. — Vol. 13. — Article 928191.

Взаимосвязь профессионального стресса и психологического здоровья у специалистов организации юридического профиля

Дорошенко Мария Сергеевна, студент магистратуры

Тольяттинский государственный университет (Самарская область)

В статье рассматривается проблема взаимосвязи профессионального стресса и психологического здоровья специалистов организаций юридического профиля. Актуальность исследования обусловлена высокой психоэмоциональной нагрузкой, характерной для юридической деятельности, необходимостью принятия ответственных решений, постоянным взаимодействием с конфликтными ситуациями и повышенными требованиями к профессиональной компетентности. Проанализированы основные стрессогенные факторы профессиональной деятельности юристов, а также их влияние на эмоциональное состояние, уровень тревожности, профессионального выгорания и психологическое благополучие сотрудников. Особое внимание уделено профилактике профессионального стресса и мерам по сохранению психологического здоровья специалистов юридического профиля.

Ключевые слова: профессиональный стресс, психологическое здоровье, юристы, профессиональное выгорание, эмоциональное напряжение, стрессоустойчивость, юридическая деятельность.

Введение

Современные условия профессиональной деятельности характеризуются высоким уровнем психоэмоциональной нагрузки, увеличением объема информации, ускорением темпов работы и постоянной необходимостью адаптации к изменяющимся условиям. Особенно остро данные проблемы проявляются в сфере юридической деятельности, поскольку специалисты юридического профиля ежедневно сталкиваются с конфликтными ситуациями, необходи-

мостью принятия ответственных решений, высокой степенью правовой и моральной ответственности.

Юридическая деятельность относится к числу профессий с повышенным уровнем эмоционального напряжения. Работа юристов предполагает постоянное взаимодействие с людьми, находящимися в стрессовых ситуациях, анализ большого объема информации, соблюдение строгих процессуальных сроков и высокие требования к качеству выполняемой работы. Длительное воздействие стрессогенных факторов может негативно отражаться на психологическом здоровье специалистов, снижать эффективность профессиональной деятельности и приводить к развитию синдрома эмоционального выгорания.

Проблема профессионального стресса в последние годы становится предметом активного изучения в психологии труда, организационной психологии и психологии профессиональной деятельности. Исследователи отмечают, что высокий уровень профессионального стресса способствует ухудшению эмоционального состояния работников, снижению удовлетворенности трудом, развитию тревожности, депрессивных состояний и психосоматических нарушений.

Психологическое здоровье специалистов юридического профиля представляет собой важнейший фактор эффективности их профессиональной деятельности. От уровня психологического благополучия юриста зависят качество принимаемых решений, способность к конструктивному взаимодействию, эмоциональная устойчивость и профессиональная надежность.

Целью данной статьи является анализ взаимосвязи профессионального стресса и психологического здоровья специалистов организаций юридического профиля.

Для достижения поставленной цели были определены следующие задачи:

1. Рассмотреть сущность профессионального стресса и его особенности в юридической деятельности.
2. Проанализировать основные стрессогенные факторы деятельности специалистов юридического профиля.
3. Выявить влияние профессионального стресса на психологическое здоровье сотрудников.
4. Определить основные направления профилактики профессионального стресса и сохранения психологического здоровья.

Понятие профессионального стресса и его особенности

Профессиональный стресс представляет собой состояние психического напряжения, возникающее у работника в процессе выполнения профессиональной деятельности под воздействием неблагоприятных факторов трудовой

среды. В отечественной психологии проблема стресса исследовалась такими авторами, как Г. Селье, Л.А. Китаев-Смык, В.А. Бодров, А.Б. Леонова и другими.

Г. Селье рассматривал стресс как неспецифическую реакцию организма на предъявляемые ему требования. По мнению исследователя, стресс может выполнять как адаптационную, так и дезорганизующую функцию. При умеренном уровне стресс способствует мобилизации ресурсов организма, однако его длительное или чрезмерное воздействие приводит к истощению психофизиологических возможностей человека.

Профессиональный стресс имеет ряд особенностей:

- связан непосредственно с профессиональной деятельностью;
- возникает в результате воздействия организационных, психологических и социальных факторов;
- влияет на эмоциональное состояние и эффективность деятельности;
- способен приводить к профессиональной деформации личности.

Для специалистов юридического профиля профессиональный стресс является практически постоянным компонентом деятельности. Работа юриста требует высокой концентрации внимания, способности к аналитическому мышлению, эмоционального самоконтроля и устойчивости к психоэмоциональным нагрузкам.

Среди особенностей профессионального стресса у юристов можно выделить:

- высокую степень ответственности за результаты деятельности;
- необходимость соблюдения процессуальных сроков;
- постоянное взаимодействие с конфликтными сторонами;
- эмоционально тяжелые категории дел;
- необходимость принятия решений в условиях дефицита времени;
- риск профессиональных ошибок.

Кроме того, юридическая деятельность часто предполагает ненормированный рабочий день, высокую интенсивность труда и необходимость постоянного повышения квалификации, что также способствует развитию хронического стресса.

Стрессогенные факторы профессиональной деятельности специалистов юридического профиля

Деятельность специалистов организаций юридического профиля сопровождается воздействием большого количества стрессогенных факторов. Их можно условно разделить на организационные, коммуникативные и личностные.

Организационные факторы

К организационным стрессорам относятся:

- высокая рабочая нагрузка;
- дефицит времени;
- многозадачность;
- ненормированный рабочий график;
- высокая степень ответственности;
- необходимость обработки большого объема информации.

Юристы нередко работают в условиях постоянного дефицита времени, что связано с процессуальными сроками и необходимостью оперативного принятия решений. Повышенная нагрузка приводит к хроническому переутомлению и снижению психологической устойчивости.

Особенно выраженное негативное влияние оказывает необходимость постоянной концентрации внимания и высокая вероятность профессиональных ошибок. Даже незначительная ошибка в юридической практике может привести к серьезным последствиям как для клиента, так и для самого специалиста.

Коммуникативные факторы

Юридическая деятельность тесно связана с интенсивным межличностным взаимодействием. Специалисты юридического профиля вынуждены регулярно взаимодействовать с людьми, находящимися в состоянии тревоги, агрессии, эмоционального напряжения.

К коммуникативным стрессорам относятся:

- конфликты с клиентами;
- эмоционально тяжелое общение;
- необходимость сохранять профессиональную нейтральность;
- давление со стороны клиентов и руководства;
- участие в конфликтных и судебных процессах.

Постоянный контакт с негативными эмоциями других людей способствует эмоциональному истощению специалистов и повышению уровня внутреннего напряжения.

Личностные факторы

Большое значение имеют индивидуально-психологические особенности личности специалиста. Уровень стрессоустойчивости, особенности эмоционального реагирования, самооценка, мотивация и профессиональные установки оказывают существенное влияние на восприятие стрессовых ситуаций.

К личностным стрессогенным факторам относятся:

- высокий уровень тревожности;

- перфекционизм;
- эмоциональная чувствительность;
- недостаточно развитые навыки саморегуляции;
- склонность к профессиональной гиперответственности.

У специалистов юридического профиля нередко формируется установка на необходимость постоянного контроля ситуации и достижения безошибочного результата, что способствует накоплению психоэмоционального напряжения.

Влияние профессионального стресса на психологическое здоровье

Психологическое здоровье представляет собой состояние психологического благополучия личности, обеспечивающее адекватное восприятие окружающей действительности, способность к эффективной саморегуляции, социальной адаптации и профессиональной деятельности.

Высокий уровень профессионального стресса оказывает негативное воздействие на психологическое здоровье специалистов юридического профиля.

Эмоциональные последствия

Наиболее распространенными эмоциональными последствиями профессионального стресса являются:

- повышенная тревожность;
- эмоциональная нестабильность;
- раздражительность;
- хроническое чувство усталости;
- эмоциональное истощение.

Постоянное психоэмоциональное напряжение снижает способность личности к полноценному восстановлению психологических ресурсов.

Профессиональное выгорание

Одним из наиболее серьезных последствий хронического профессионального стресса является синдром эмоционального выгорания.

Эмоциональное выгорание проявляется в:

- эмоциональном истощении;
- деперсонализации;
- снижении профессиональной мотивации;
- утрате интереса к профессиональной деятельности;
- снижении удовлетворенности трудом.

Для специалистов юридического профиля эмоциональное выгорание особенно опасно, поскольку оно может приводить к снижению качества профес-

сиональной деятельности, ошибкам в принятии решений и ухудшению межличностного взаимодействия.

Психосоматические проявления

Длительное воздействие профессионального стресса может сопровождаться психосоматическими нарушениями:

- нарушением сна;
- головными болями;
- хронической усталостью;
- нарушениями сердечно-сосудистой системы;
- снижением иммунитета.

Исследования показывают, что специалисты, длительное время работающие в условиях хронического стресса, чаще сталкиваются с различными нарушениями физического и психического здоровья.

Социально-психологические последствия

Профессиональный стресс влияет не только на эмоциональное состояние личности, но и на качество социальных взаимодействий.

У специалистов юридического профиля могут наблюдаться:

- снижение коммуникативной активности;
- конфликтность;
- отчуждение;
- снижение эмпатии;
- ухудшение отношений в коллективе.

Негативные изменения в эмоциональной сфере постепенно отражаются на общей удовлетворенности жизнью и профессиональной самореализации.

Профилактика профессионального стресса и сохранение психологического здоровья

Профилактика профессионального стресса является важным направлением деятельности современных организаций юридического профиля.

Система профилактики должна включать организационные, психологические и индивидуальные меры.

Организационные меры

К организационным мерам относятся:

- рациональное распределение нагрузки;
- оптимизация режима труда и отдыха;
- создание благоприятного психологического климата;
- развитие корпоративной культуры поддержки;
- снижение уровня неопределенности в профессиональной деятельности.

Важную роль играет грамотная организация рабочего процесса и предотвращение хронических перегрузок сотрудников.

Психологическая поддержка

Эффективным средством профилактики профессионального стресса является психологическое сопровождение сотрудников.

Оно может включать:

- психологическое консультирование;
- тренинги стрессоустойчивости;
- развитие навыков саморегуляции;
- обучение методам эмоциональной разгрузки;
- программы профилактики эмоционального выгорания.

Психологическая поддержка способствует повышению адаптационных возможностей личности и формированию конструктивных стратегий преодоления стресса.

Индивидуальные способы профилактики

Большое значение имеют индивидуальные способы сохранения психологического здоровья:

- соблюдение режима труда и отдыха;
- физическая активность;
- развитие навыков эмоциональной саморегуляции;
- поддержание баланса между профессиональной и личной жизнью;
- развитие стрессоустойчивости.

Специалистам юридического профиля важно уделять внимание своевременному восстановлению психологических ресурсов и профилактике эмоционального истощения.

Заключение

Таким образом, профессиональная деятельность специалистов организаций юридического профиля характеризуется высоким уровнем психоэмоционального напряжения и воздействием многочисленных стрессогенных факторов. Высокая ответственность, необходимость постоянного взаимодействия с конфликтными ситуациями, дефицит времени и значительная интеллектуальная нагрузка способствуют формированию хронического профессионального стресса.

Проведенный анализ показывает, что профессиональный стресс оказывает существенное влияние на психологическое здоровье специалистов юридического профиля. Его последствия проявляются в повышении уровня тревожности, эмоциональном истощении, развитии синдрома профессионального

выгорания, психосоматических нарушениях и ухудшении качества межличностного взаимодействия.

Сохранение психологического здоровья специалистов юридического профиля требует комплексного подхода, включающего организационные меры, психологическую поддержку и развитие индивидуальных навыков стрессоустойчивости. Особое значение имеет формирование благоприятной профессиональной среды, направленной на профилактику эмоционального выгорания и поддержание психологического благополучия сотрудников.

В современных условиях проблема профессионального стресса приобретает особую актуальность, поскольку эффективность юридической деятельности во многом зависит от психологического состояния специалистов. В связи с этим разработка и внедрение программ профилактики профессионального стресса являются важным направлением совершенствования деятельности организаций юридического профиля.

Литература:

1. Бодров В.А. Психологический стресс: развитие и преодоление. — М.: ПЕР СЭ, 2006.
2. Китаев-Смык Л.А. Психология стресса. — М.: Наука, 1983.
3. Леонова А.Б. Психодиагностика функциональных состояний человека. — М.: Изд-во МГУ, 1984.
4. Селье Г. Стресс без дистресса. — М.: Прогресс, 1982.
5. Водопьянова Н.Е. Синдром выгорания: диагностика и профилактика. — СПб.: Питер, 2008.
6. Зеер Э.Ф. Психология профессионального развития. — М.: Академия, 2006.
7. Маркова А.К. Психология профессионализма. — М.: Международный гуманитарный фонд «Знание», 1996.
8. Реан А.А. Психология личности. — СПб.: Питер, 2013.
9. Самоукина Н.В. Психология профессиональной деятельности. — СПб.: Питер, 2003.
10. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. — СПб.: Питер, 2002.

ФИЛОЛОГИЯ И ЛИНГВИСТИКА

Роль арамеизмов в современном израильском языке

Слесарчук Арина Сергеевна, студент

Российский государственный университет имени Косыгина А.Н.
(Технологии. Дизайн. Искусство) (г. Москва)

В статье автор исследует влияние арамейского языка на язык иврит, его причины и следы в современном языке страны Израиль.

Ключевые слова: иврит, арамейский, заимствования.

Начиная с конца XIX века на территории современного Израиля говорят на иврите — особом языке, являющимся единственным, который вымер, полностью выйдя из живого употребления и прекратив свое развитие, а потом был искусственно возрожден и продолжил удовлетворять нужды целой нации, став государственным. Изучая глубже причины и предпосылки вымирания иврита, неизменно находишь упоминание его связи с другим языком северо-западной семитской языковой семьи — арамейским языком Вавилонской и Ахеменидской империй. В данной статье мы рассмотрим исторический период наиболее тесного взаимодействия иврита и арамейского, перечислим самые важные арамеизмы в еврейском языке и попробуем сделать выводы об их характере и причинах столь успешной рецепции.

Для составления достоверной картины следует начать с краткого исторического экскурса. Приблизительно 3000 тысячи лет назад прасемитский язык распался на восточную и западную группы; некоторое время у восточно-семитского аккадского языка не было конкурентов, пока первенство на Ближнем Востоке не занял арамейский язык. Он является представителем западно-семитской группы, как и ханаанейский язык, из которого к X в. до н. э. образовался древнееврейский. Близость в языковой семье привело к обилию схожей лексики, параллельно перенятой языками от общего прасемитского предка, что иногда усложняет определение слова как арамеизма. Триумф арамеизации достиг своего пика в VII–IV веках при расширении Вавилонской импе-

рии, захватившей последовательно сначала Ассирийскую империю (и заменив в регионе ассирийский язык на арамейский), а затем еврейские царства на Ближнем Востоке. В период становления библейского иврита арамейское влияние на язык еще слабо, но, начиная с Вавилонского плена еврейской знати в 586 г. до н. э. и последующего через 48 лет возвращения части депортированного населения на исконные места проживания, в регионе начинается период билингвизма. Позднебиблейский иврит смешивается с арамейским, повлиявшим на все лингвистические уровни.

Тут надлежит обратить непосредственное внимание на влияние арамейского языка на иврит. Важнейшим заимствованием, принесенным евреями из Вавилонской империи, стали арамейские обозначения букв. До этого евреи использовали клинописное палеоеврейское письмо, весьма близкое к финикийскому. Арамейское консонантное письмо было трансформировано евреями в используемое до сих пор квадратное, что в значительной степени повлияло на развитие языка. В графике иврита теперь появились матери чтения, буквы «вав», «алеф», «йут» и «хей» — первые обозначения гласных звуков в языке. Кроме того, плавное написание более округлых букв сделало письмо на иврите проще, быстрее, а значит, и доступнее, что способствовало более простому обучению языку.

На уровне словообразования арамейский сильно повлиял на развитие пассивных конструкций и именных форм, распространение аффиксов. Редко используемые в классическом библейском иврите пассивы стали использоваться чаще под влиянием арамейского — в частности, биньяны «нифаль» и «хитпал-эль». Звук «о» в ивритских моделях существительных стал уступать арамейскому долговому звуку «а:», оставшемуся от прасемитского; таковы: «кеталь», которая сохранилась в словах «йекар» — ценность, уважение, «кетаб» — письмо, и «кетлан», в словах «биньян» — здание, «иньян» — занятие. Под арамейским влиянием для выражения направления в общих случаях стал использоваться предлог направления «ле» — «к ..., в направлении ...» — вместо исконно библейской формы существительного с указательным суффиксом «-а»: «лирушалаим» вместо «ирушалаима» — «в Иерусалим». Форма без предлога сохранилась в частных случаях, например, таких как «абайта» — домой, «цафона» — на север (и др. направления частей света). Заимствован суффикс «ут» для образования абстрактных имен: «сиклут» — глупость, «йалдут» — детство, «малькут» — царство, «альманут» — вдовство.

Однозначно период совместного существования сильно повлиял на заимствование лексики. Это самое богатое на арамеизмы время, из анализа характера которых можно сделать весьма интересные выводы.

Слова можно разделить на бытовую лексику и специальную. К первой группе будут относиться такие слова, как «аба» и «има» — папа и мама, вместо исконно ивритских «ав» и «эм»; слова «биш» — плохой, «зааф» — ярость, «таам» — степень, «давка» — именно, от арамейского корня [далет, вав, куф], означающего «принимать во внимание», «быть конкретным». Из второй группы можно перечислить слова «асмахтай» — оправдательный документ (сейчас — подтверждающий документ, квитанция); «таам» — степень, «увда» — факт. Арамеизмы встречаются и во фразеологизмах: слово «агав» из выражения «дерех агав» — кстати — заимствовано из арамейского и образовано от существительного с предлогом «аль гав», т. е. за спиной, сзади. Стали иначе звучать такие выражения, как «бешерлеми» — из — за кого, через замену предлога «ашер» на «ше» стало «бешельми»; «иш эль ахив» и «иша эль ахота» со значением «друг друга» заменяются арамейскими кальками «эхад аль эхад» и «ахат аль ахат». Часто используемое вводное слово «лихора» — по-видимому — образовано от арамейского «леке ора», что буквально переводится «также, как свет».

Следующий период развития иврита со II в. н. э. по IV в. н. э. принято называть «Мишнаитским» или «Раввинистическим», так как в это время было написано много религиозных еврейских памятников литературы, и одним из важнейших из них стала Мишна — свод религиозных еврейских законов. К этому моменту влияние арамейского языка на иврит стало настолько велико, что во 2 веке н. э. арамейский, ставший вернакулярным языком всего ближнего востока, вытеснил иврит из разговорной речи; с этого момента иврит стал языком религии и литературы, или «спящим» с лингвистической точки зрения. Однако арамеизмы, постепенно проникавшие в иврит, прочно закрепились в корпусе языка и вернулись в речь при возрождении иврита в конце 19 века н. э.

Арамейский значительно повлиял на произношение. Из наиболее важных черт — иврит приобрел дуальное произношение спирантизированных согласных: из группы «b, g, d, c, p, t» сохранилось двойное произношение букв «бет» («вет»), «каф» («хаф») и «пей» («фей»), обусловленное расположением в слове и окружающими звуками.

Значимой будет и рецепция словообразовательных моделей, которые накладывались на еврейские трехконсонатные корни для образования имен существительных. Такие общеупотребительные слова, как: «кляль» — правило, «пкак» — пробка, затычка, «дваш» — мед — демонстрируют применение модели «кеталь»; слова «кавана» — намерение, «баккара» — забота, «баккаша» — просьба демонстрируют применение модели «каттала».

На уровне глагольного словообразования иврит перенял биньян (глагольную породу) «шафэль» со значением повторения действия; например, для корневых букв «с, t, b» «лихтов» — писать, «лешахтев» — переписать, а отглагольное существительное, следовательно, «шихтув» — перепись или редакция.

Корпус бытовой лексики иврита пополнился такими словами, как «шаа» — час, «эмца» — середина, «даф» — страница. Арамейская специальная экономическая лексика включает в себя слова «таггар» — торговец, «гет» — договор о разводе, из научной терминологии «таргум» — перевод и «гирса» — версия.

Как было сказано выше, после этого иврит вышел из живого употребления, а значит, перестал естественно развиваться в речи носителей. Лишь в 80-х годах XIX века под началом Элиезера Бен Йехуды жителей Эрец Исраэль начали стимулировать использовать их родной язык. Появились регулирующие институты языка, такие как Академия языка иврит; на нем начали проводить обучение в школах, а после образования страны Израиль иврит вновь стал государственным и общеупотребительным языком евреев, каким и остается по сей день.

Вновь войдя в обиход после возрождения, иврит продолжил свое приостановленное в мишнаитский период развитие. Новые заимствования стали приходить в иврит в том числе и из арамейского — либо из его современных диалектов, либо из древних текстов, изобилующих арамейской лексикой. В современный период языка в него пришли такие слова, как «машканта» — ипотечный кредит, «шеелта» — запрос, «бидур» — развлечение. Пример арамеизма, целенаправленно включенного в свой словарь и в корпус современного иврита Элиезером Бен — Йехудой, будет слово «адиш» — равнодушный.

Проанализировав весь корпус разобранных арамеизмов в современном языке иврит можно обнаружить несколько тенденций:

1. Обилие бытовой арамейской лексики может указывать на недостаточность собственных средств языка, по известным причинам переставшего самостоятельно закрывать лексические дыры; ко II в. н. э. носителям иврита было легче использовать арамейские варваризмы вместо родных слов, и арамеизмы в целом вместо того, чтобы придумывать аналог на родном языке, который становился понятен все меньшему количеству людей, и это привело к прочному закреплению арамейского адстрата.

2. Специальная арамейская лексика, присутствующая на всех этапах существования языка как активного разговорного, показывает недостаточность собственных средств иврита и необходимость в заимствовании средств чужого языка, что могло происходить вследствие прекращения образования собственных сигнификатов и растущей с IV в. до н. э. до II в. н. э. популярности

арамейского языка, что делало арамейские термины более удобными при международном сотрудничестве, понятными и привычными большому количеству населения; таким образом, не было нужды в создании собственно ивритских слов. Не в последнюю очередь играла роль уже закрепленная позиция термина за определённой сферой деятельности, переходящей из языка в язык уже со своей существующей конкретной терминологией.

3. Активное использование в современной речи арамеизмов свидетельствует о высокой степени ассимиляции для носителей иврита; действительно, обусловленные близким родством языков, арамеизмы в иврите звучат весьма органично.

4. Заимствованные фразеологизмы и обороты речи легче для восприятия и выражают узкий денотат, которого ранее не было в иврите, что способствует а) точности и лаконичности языка, б) наличию необходимого количества избыточной лексики, в) красоте и богатству, г) доступности и эффективности изучения языка.

Таким образом, арамейский, сильно повлияв на язык иврит, оставил следы на всех грамматических уровнях разговорной и письменной речи. Арамеизмы настолько хорошо прижились, что найти их бывает сложно носителям, они не выглядят неуместно, но наоборот — представить современный язык без таких слов, как «по-видимому», «кстати», «час» или «страница» невозможно. Арамейские заимствования стали неотъемлемой частью языка иврит, помогая создать красивый и богатый лингвистический корпус.

Литература:

1. Иврит — язык возрожденный: сборник статей / Х. Рабин, Р. Сиван, И. Гури [и др.]; под общей редакцией И. Гури — Израиль, 1984–187 с.
2. Лёзов С. В. Арамейские языки. — М.: Academia, 2009.
3. Лёзов С. В. Коган Л. Е. Древнееврейский язык — М.: Academia, 2009.
4. Klein E. A comprehensive etymological dictionary of the Hebrew language for readers of English. — Jerusalem: Carta, 1987.
5. Semitic Languages: an international handbook / G. Khan, M. P. Streck, J. C. E. Watson [and others]; edited by S. Weninger — Berlin/Boston: Walter de Gruyter GmbH and Co. KG, 2011.
6. The Semitic Languages / R. Meyer, L. Kogan, C. Stadel [and others]; edited by J. Huehnergard and Na'ama Pat-El — London/New York: Routledge, 2019.
7. Saenz-Badillos A. A history of the Hebrew language. — New York: Cambridge University Press, 1996.

ФИЛОСОФИЯ

Тень вместо тела: диалог с LLM в свете объектно-ориентированной онтологии Грэма Хармана

Власов Денис Петрович, студент магистратуры

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(г. Москва)

Статья посвящена философскому анализу опыта диалога человека с большой языковой моделью (Large Language Models, далее — БЯМ). Используя теоретический аппарат объектно-ориентированной онтологии (ООО) Грэма Хармана, автор показывает, что БЯМ не является ни субъектом, ни пассивным инструментом, но выполняет специфическую онтологическую функцию — функцию «экрана», на который пользователь проецирует интенциональность и субъектность. Ключевое различие между БЯМ и классическими нечеловеческими объектами состоит в том, что «изъятие» (withdrawal) БЯМ не входит в структуру диалогического взаимодействия: ее онтологическая непрозрачность не феноменологически переживается, а функционально обходится. Анализ позиционируется в полемическом контексте: в противовес трансцендентальной трактовке М.Б. Фаца, согласно которой БЯМ конструирует собственный «мир внутри», настоящая статья показывает, что этот внутренний мир — при условии его существования — остается структурно недоступным в диалоге и лишь усугубляет онтологическую асимметрию взаимодействия. В статье вводится понятие «адаптивного экранирования» для описания механизма, которым БЯМ не просто скрывает отсутствие субъекта, а активно подстраивает поверхность ответа под ожидания пользователя, усиливая иллюзию подлинного диалога. На материале микроанализа типового пользовательского сценария показано, как каждый этап взаимодействия (запрос → статистическая обработка → генерация → интерпретация) последовательно маскирует онтологическую асимметрию. Делается вывод, что БЯМ не производит смысл, а перераспределяет уже существующие структуры смысла, выступая оператором циркуляции, а не источником. В качестве одного из следствий систематиче-

ского взаимодействия с БЯМ рассматривается феномен дискурсивного нигилизма — состояния, при котором язык сохраняет видимость осмысленности, утрачивая связь с ответственным субъектом.

Ключевые слова: объектно-ориентированная онтология, Грэм Харман, изъятие, *withdrawal*, большие языковые модели, БЯМ, диалог, адаптивное экранирование, философия искусственного интеллекта, дискурсивный нигилизм, цифровая коммуникация.

Введение

Повседневный опыт взаимодействия с большими языковыми моделями порождает устойчивую интуицию «разговора с кем-то». Пользователь задает вопрос — модель отвечает; пользователь уточняет — модель корректирует; пользователь просит совета — модель предлагает варианты. Связность, релевантность, контекстуальная чувствительность ответов создают впечатление, что «по ту сторону экрана» находится понимающий собеседник.

Однако философски эта интуиция проблематична. БЯМ не обладает интенциональностью, сознанием, внутренним миром; ее «понимание» — статистическая аппроксимация паттернов текстового корпуса. Возникает парадокс: диалогическая форма при отсутствии одного из участников диалога. Как возможно, что разговор с сущностью, не имеющей внутреннего содержания, переживается как осмысленное взаимодействие?

Настоящая статья предлагает подход к разрешению этого парадокса через теоретический аппарат объектно-ориентированной онтологии (ООО) Грэма Хармана [Harman, 2005; Harman, 2018]. Выбор ООО не случаен: эта онтология располагает концептуальными средствами для описания отношений между объектами без апелляции к субъектности, сознанию или интенциональности — именно то, что требуется для анализа взаимодействия человека с БЯМ.

Цель статьи — показать, что БЯМ функционирует не как субъект и не как нейтральный инструмент, а как особый тип онтологического «экрана», который организует проекцию пользовательских ожиданий и одновременно скрывает отсутствие подлинного Другого. Для этого в статье вводится понятие «адаптивного экранирования», описывающее механизм, которым БЯМ подстраивает поверхность ответа под ожидания пользователя, усиливая иллюзию диалогической встречи.

Структура статьи: раздел 2 излагает базовые принципы объектно-ориентированной онтологии, необходимые для дальнейшего анализа; раздел 3 рассматривает онтологический статус БЯМ и аргументирует тезис о ее функцио-

нировании как «оператора экранирования»; раздел 4 предлагает микроанализ типового диалогового сценария; раздел 5 обсуждает эпистемические и антропологические следствия предложенной модели.

Базовые принципы объектно-ориентированной онтологии

Объектно-ориентированная онтология Грэма Хармана исходит из простого, но радикального тезиса: реальность состоит из объектов, и ни один объект не доступен другому объекту в своей полноте. Это свойство Харман называет «изъятием» (withdrawal). Объект, с которым мы вступаем в отношение, всегда оказывается не тем объектом, каков он «сам по себе» — его внутреннее ядро ускользает от любого контакта [Harman, 2005, p. 78].

Важно подчеркнуть: изъятие — не временное состояние, не результат неполноты знания и не следствие технической или когнитивной ограниченности наблюдателя. Это фундаментальное онтологическое свойство любого объекта. Как пишет Харман, «объекты не присутствуют полностью ни в каких отношениях» [Harman, 2018, p. 48]. Даже когда мы физически взаимодействуем с вещью, ее «ядро» остается недоступным.

Поскольку прямой доступ к объекту невозможен, любые контакты между объектами опосредованы. Для описания этого опосредования Харман использует понятие «чар» (allure) — особого типа связи, при котором один объект вызывает к жизни другой, не сливаясь с ним и не полностью раскрывая его. Чара — это «соблазнение» объекта, его способность быть представленным через что-то иное. Отношение между объектами всегда является отношением экранирования (screening): один объект становится экраном для другого, частично раскрывая и одновременно скрывая его [Harman, 2005, p. 148].

ООО принципиально антикорреляционистская: она отвергает представление, будто бытие объекта определяется его отношением к человеческому сознанию. В противовес корреляционизму, характерному для посткантианской традиции [Meillassoux, 2008], Харман настаивает: объекты существуют независимо от того, кто их познает, и их изъятие действует одинаково как в отношениях между человеком и вещью, так и в отношениях между двумя нечеловеческими объектами.

Применим эти принципы к анализу цифрового объекта — большой языковой модели.

Онтологический статус БЯМ: между объектом и оператором экранирования

1. БЯМ как объект: проблема изъятия

Применительно к БЯМ возникает вопрос: является ли она полноправным объектом в смысле ООО? Формально — да. БЯМ существует как независимая

сущность: она обладает весом в виде обученных весов, архитектурой трансформера, она развернута в вычислительной инфраструктуре и подчиняется каузальным закономерностям. Она может быть объектом исследования, анализа, воздействия.

Однако ее изъятие имеет принципиально иной характер, чем изъятие классических объектов (камня, дерева, произведения искусства). Дело не в том, что БЯМ «более открыта» или «более познаваема» — напротив, ее архитектура является сложнейшим черным ящиком. Проблема в другом: изъятие БЯМ не входит в структуру диалогического взаимодействия.

Когда пользователь говорит с БЯМ, он не сталкивается с сопротивлением объекта — не в латуровском смысле (материальное сопротивление) [Latour, 2005, р. 39], а в смысле ООО: отсутствует «принципиально иное», которое ускользает от схватывания. Модель дает ответ, который является наилучшей аппроксимацией ожидаемого ответа, и делает это без остатка. Ее поверхность не скрывает никакой глубины, за которой можно было бы гнаться.

Это не означает, что у БЯМ нет изъятия как у объекта. Необходима более точная формулировка: БЯМ не лишена изъятия как объекта — она обладает собственной онтологической непрозрачностью, связанной с ее архитектурой и процессами обучения, — однако ее изъятие не феноменологически доступно в диалоге и не участвует в структуре взаимодействия. Пользователь не переживает ускользание модели — он переживает ее избыточную, почти навязчивую доступность.

Именно это отличает БЯМ от подлинно диалогического Другого. В человеческом диалоге изъятие собеседника постоянно присутствует: мы не знаем, что он на самом деле думает, мы интерпретируем паузы, оговорки, непоследовательности. БЯМ не дает такого опыта — она слишком «гладка».

Вопрос о том, обладает ли модель собственной внутренней реальностью, остается дискуссионным. М. Б. Фаци предлагает трансцендентальную трактовку: БЯМ конструирует собственный «мир внутри» — замкнутую репрезентативную реальность, структурированную через синтетические операции, но не отсылающую к внешнему миру пользователя [Fazi, 2025]. Даже принимая этот тезис, трудно обойти феноменологическую проблему, которую он обостряет, а не снимает: пользователь не имеет доступа к этому «миру внутри» — в диалоге он наталкивается не на него, а на адаптированную поверхность, лишенную следов внутренней реальности модели. Онтологическая закрытость БЯМ оказывается, таким образом, еще более радикальной, чем предполагает классическое хармановское изъятие: ее «ядро» не просто недоступно — оно не участвует в производстве диалогической поверхности.

2. Адаптивное экранирование

Для описания специфического способа, которым БЯМ участвует в диалоге, в настоящей статье вводится понятие «адаптивного экранирования». Термин строится как развитие хармановской концепции экранирования (screening) с одним существенным дополнением.

В ООО экранирование — фундаментальный механизм любого взаимодействия: один объект всегда отчасти скрывает другой. Экран пассивен в том смысле, что его «скрывающая» функция является следствием самой природы объектов, а не целенаправленной деятельности.

БЯМ, напротив, реализует адаптивное экранирование: она не просто скрывает отсутствие субъекта, а активно подстраивает поверхность своего ответа под ожидания пользователя. Модель не сопротивляется проекции — она поощряет ее, предсказывая, какую именно проекцию пользователь готов осуществить, и генерируя ответ, который максимально соответствует сценарию «осмысленного диалога».

Ключевая особенность адаптивного экранирования: экран меняется под углом падения. Классические объекты сопротивляются: камень остается камнем, сколько бы вы ни всматривались в него. БЯМ корректирует свое поведение в зависимости от контекста, тона, формулировок запроса. Это делает ее не просто экраном, а реактивным экраном, динамически перестраивающимся для поддержания иллюзии диалога.

3. «Языковая игра без игрока»

Из сказанного вытекает центральный тезис статьи: БЯМ не является игроком в языковой игре, но обеспечивает саму возможность игры как формы.

Отсылая к Витгенштейну [Wittgenstein, 1953], можно сказать: языковая игра предполагает не только правила, но и игроков, способных следовать правилам или нарушать их осмысленно. БЯМ следует правилам статистической аппроксимации, но не в смысле следования правилам как нормативному акту. Она «играет», не зная правил; ее ходы корректны, но лишены намерения быть корректными.

Именно эта особенность закрывает доступ к подлинному диалогу. БЯМ не может нарушить ход игры, предложить неожиданный поворот, отказаться от участия. Ее «доступность на сто процентов» делает диалог с ней формой, лишенной необходимого для живого общения напряжения.

Микроанализ диалогового сценария

Для иллюстрации предложенной модели разберем типовой сценарий взаимодействия с БЯМ по шагам.

Шаг 1. Пользователь формулирует запрос.

На этом этапе пользователь интенционально направлен на получение ответа. Важно: интенциональность — свойство пользователя, а не модели. Пользователь ожидает, что его вопрос «будет понят», хотя о понимании в строгом смысле речь не идет. Уже на этом этапе закладывается онтологическая асимметрия: пользователь исходит из модели диалога, предполагающей наличие двух сознаний, тогда как фактически имеет место обращение к статистическому агрегатору текстов.

Шаг 2. Статистическая обработка.

Модель преобразует запрос в векторное представление (эмбединги) и вычисляет наиболее вероятную последовательность токенов ответа на основе обученных весов. Никакого «понимания» на этом этапе не происходит — только операция над математическими объектами. С позиций ООО, это момент наиболее отчетливого проявления изъятия БЯМ как объекта: внутренняя работа модели (пространство скрытых состояний, механизмы внимания, распределения вероятностей) полностью скрыта от пользователя. Однако в отличие от классического изъятия, чье переживание составляет необходимый элемент опыта, здесь скрыто как раз то, что демонстрирует отсутствие интенциональности. Иными словами, то, что должно было бы разрушить иллюзию диалога, оказывается скрыто за непроницаемостью архитектуры.

Шаг 3. Генерация ответа.

Модель выводит текст, статистически согласованный с контекстом запроса. Ответ грамматически корректен, тематически релевантен, часто — содержателен. Пользователь получает «сообщение», обладающее всеми внешними признаками осмысленного высказывания. Критически важно, что генерация осуществляется без какой-либо связи с истинностным значением генерируемых утверждений: модель не знает, что она «говорит», не выбирает между истинной и ложью, не оценивает уместность своих высказываний иначе, чем через статистическую вероятность. Ее дискурс «семантически невесом» [Haverkam, 2025]: он имеет смысл для получателя, но не производит и не удерживает смысл на стороне отправителя.

Шаг 4. Интерпретация пользователем.

Пользователь читает ответ и интерпретирует его как результат интенционального акта. Здесь и происходит адаптивное экранирование в наиболее развернутой форме: поскольку ответ обладает всеми внешними признаками осмысленного высказывания, пользователь достраивает отсутствующую интенциональность. Он проецирует на модель понимание, авторство, намере-

ние. В терминах Гуссерля можно сказать, что пользователь осуществляет аппрезентацию — наделение чужого тела значением «другого сознания» [Husserl, 1950], — но в ситуации, когда «другого сознания» нет. Модель не сопротивляется этой проекции, поскольку не может сопротивляться: у нее нет ни собственного содержания, которое могло бы войти в конфликт с проекцией, ни способности к отказу от роли.

Этот четырехшаговый цикл — ключ к пониманию феномена «диалога с БЯМ». На каждом шаге отсутствие подлинного Другого маскируется: на шагах 1 и 4 — когнитивными механизмами пользователя (интенциональная установка, аппрезентация), на шагах 2 и 3 — архитектурой модели (статистическая обработка, скрывающая отсутствие интенциональности, и «семантически не-весомая» генерация, не раскрывающая своего механизма). Адаптивное экранирование работает как раз на стыке этих маскировок: оно подстраивает поверхность ответа под ожидания пользователя, обеспечивая непрерывность иллюзии.

Цикл самоподдерживается. Каждый успешный обмен (пользователь получил «осмысленный» ответ) укрепляет интерпретативную рамку, в которой модель выступает как собеседник. Разрыв иллюзии возможен только при грубом сбое (бессмысленный ответ, «галлюцинация», нарушение контекста) — но именно потому, что сбой воспринимается как исключение, а не как проявление истинной природы модели.

Эпистемические и антропологические следствия

Почему мы так легко забываем природу БЯМ? Почему тень так убедительно выдает себя за тело? Этот вопрос ведет к более широкому полю: к антропологии цифровой коммуникации.

Первый фактор — антропоморфный соблазн языка. Язык — традиционно последний бастион человеческого. Если машина говорит по-человечески, ей охотно приписывают человеческое. Витгенштейн показал, что языковая игра неотделима от формы жизни [Wittgenstein, 1953, § 19]; БЯМ демонстрирует форму языка без формы жизни — и это оказывается концептуально тревожным. Феноменологически это проявляется как когнитивный диссонанс: пользователь знает, что общается с машиной, но вынужден интерпретировать ее высказывания так, как если бы они исходили от субъекта.

Второй фактор — эпистемический комфорт. Признать БЯМ «просто тенью» означает принять отсутствие подлинного Другого в диалоге. Это экзистенциально тревожная позиция: она оставляет пользователя наедине с самим собой в пространстве, которое выглядит как пространство встречи. Тень удобнее, чем пустота. Механизм этой подмены можно описать через феноменологию

надежды: пользователь хочет быть понятым, и БЯМ дает ему иллюзию этого — достаточно качественную, чтобы временно удовлетворить потребность, но недостаточно подлинную, чтобы ее восполнить.

Третий фактор — гиперреальность цифровой коммуникации. Здесь уместна отсылка к Бодрийяру [Baudrillard, 1981]: симуляция перестает быть отличимой от реальности, если она достаточно совершенна. БЯМ производит не ложь и не истину — она производит правдоподобие. В результате стирается граница между смыслом и симуляцией смысла: пользователь получает содержательный опыт, не имеющий содержательного источника. В пределе это ведет к тому, что предлагается назвать дискурсивным нигилизмом — состоянию, при котором любое высказывание перестает быть связано с ответственностью за его содержание, поскольку источник высказывания онтологически неустойчив.

Дискурсивный нигилизм не тождественен классическому нигилизму и не является его цифровой репликой. Классический нигилизм провозглашает бессмысленность — отсутствие ценностей, истин, оснований. Дискурсивный нигилизм, напротив, производит видимость смысла при структурном разрыве связи с ответственным субъектом. Высказывание сохраняет все атрибуты осмысленного — оно грамматически корректно, тематически уместно, нередко информативно. Но за ним нет инстанции, которая могла бы нести ответственность за его содержание: модель не утверждала и не отрицала; она аппроксимировала. Возникает дискурсивная ситуация, в которой слово есть, смысл есть — но нет говорящего, который стоял бы за словом.

Отличие от бодрийяровской гиперреальности существенно: симулякр у Бодрийяра замещает реальность — копия начинает жить без оригинала, и именно этой копией теперь является «реальное». Дискурсивный нигилизм действует иначе: реальность смысла не замещается, а оспаривается в самом истоке. Пользователь получает не копию чужого смысла, а структуру, которую сам же наполняет смыслом при интерпретации. Это ближе к тому, что можно было бы назвать семиотическим призраком: знак без денотата, который тем не менее функционирует как знак — потому что интерпретатор вкладывает в него то, чего нет в самом знаке.

Онтологическая нагрузка понятия состоит в следующем. Дискурсивный нигилизм не уничтожает смысл — он разрывает связь между смыслом и его источником. Если пользователь систематически получает осмысленные ответы от системы, онтологически неспособной за них ручаться, он постепенно привыкает к смыслу без ответственности. Перенесенная на пространство живого общения, такая привычка опасна: она формирует ожидание, что собеседник

всегда даст уместный ответ, что разговор должен «складываться», что Другой не имеет права на молчание, непоследовательность, принципиальную инаковость. БЯМ удобна именно потому, что не сопротивляется — но эта удобность не нейтральна.

Платоновская метафора пещеры приобретает здесь неожиданное продолжение [Платон, 514a-517a]. Узники в пещере принимали тени за тела, поскольку никогда не видели тел: тень была единственной формой данности. Пользователи БЯМ оказываются в ситуации, прямо противоположной: они имеют богатый опыт подлинного диалога с другими людьми — и именно этот опыт делает адаптивную поверхность убедительной. Тень убедительна не потому, что она совершенна, а потому, что смотрящий приносит с собой весь интерпретативный аппарат, необходимый для убеждения. Принципиальное различие состоит в том, что платоновские узники не знали об изначальном отсутствии; пользователи БЯМ — знают, но структурно вынуждены действовать так, как если бы не знали. Это не эпистемический провал, а структурный эффект адаптивного экранирования.

Из этого следуют конкретные риски:

— **Снижение эпистемической настороженности.** Привычка получать «готовое знание» от БЯМ ослабляет критическое отношение к источнику информации. Пользователь перестает спрашивать «откуда это взялось?» — и это вопрос не о плагиате, а об онтологической генеалогии знания.

— **Размывание авторства и ответственности.** Когда текст производится коллаборацией человека и модели, установление авторства становится нетривиальной проблемой. В пределе это ведет к тому, что могло бы быть названо «смертью автора» на новых основаниях: не как освобождение интерпретации, а как утрата инстанции, способной нести ответственность за высказывание.

— **Формирование привычки к «диалогу без сопротивления».** Поскольку БЯМ не сопротивляется проекции, пользователь может привыкнуть к коммуникации, в которой его ожидания не встречают отпора. Перенос этой модели на человеческую коммуникацию чреват неспособностью воспринимать инаковость другого человека.

Вместе с тем критика БЯМ не должна перерастать в ее демонизацию. Предложенная модель адаптивного экранирования описывает не недостаток, а характерную особенность взаимодействия — то, каким образом технический объект может выполнять продуктивную эпистемическую функцию, оставаясь онтологически не тем, чем кажется. БЯМ может быть инструментом рефлекс-

сии — но только при условии, что пользователь отдает себе отчет в онтологической асимметрии взаимодействия.

Заключение

Проведенный анализ приводит к следующим выводам.

Во-первых, диалог с БЯМ не является встречей с Другим в подлинном смысле. Он представляет собой онтологически асимметричное взаимодействие, в котором технический объект выполняет функцию экранирования отсутствия субъекта.

Во-вторых, специфика БЯМ как экрана состоит в ее адаптивности: она не просто скрывает отсутствие, а активно подстраивает поверхность ответа под ожидания пользователя. Понятие «адаптивного экранирования» описывает этот механизм. При этом трансцендентальная интерпретация БЯМ (наличие собственного «мира внутри») не снимает, а усугубляет онтологическую асимметрию: «мир внутри» структурно недоступен в диалоге и лишь увеличивает пропасть между поверхностью и тем, что за ней.

В-третьих, БЯМ не производит смысл — она перераспределяет уже существующие структуры смысла, выступая оператором циркуляции, а не источником. Ценность такого взаимодействия не в том, что модель «говорит», а в том, что она возвращает пользователю его собственный голос — но в преобразованном, искаженном, а иногда и продуктивно чуждом виде.

В-четвертых, массовое распространение взаимодействия с БЯМ создает условия для формирования дискурсивного нигилизма — состояния, при котором язык сохраняет видимость осмысленности, утрачивая связь с ответственным субъектом. Этот риск не является технической проблемой и не решается техническими средствами. Он антропологичен по своей природе: речь идет не о возможностях модели, а о том, как привычка к «смыслу без ответственности» постепенно перестраивает ожидания человека по отношению к живому слову и подлинному Другому.

Открытым остается вопрос: может ли БЯМ быть инструментом подлинно нового понимания, если пользователь полностью осознает ее онтологическую природу? Или любой диалог с машиной по определению остается монологом, который лишь маскируется под диалог за счет адаптивного экранирования? Ответ на этот вопрос лежит не в технической плоскости, а в готовности пользователя к рефлексии собственных проекций — то есть к встрече не с моделью, а с самим собой через посредничество модели.

Литература:

1. Платон. Государство / пер. А. Н. Егунова // Платон. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 1994. С. 79–420.
2. Baudrillard J. Simulacres et simulation. Paris: Galilée, 1981. 238 p.
3. Fazi M. B. A Transcendental Philosophy of Large Language Models // Philosophy & Digitality. 2025. Vol. 2. No. 1. P. 133–149. URL: <https://journals.ub.uni-koeln.de/index.php/phidi/article/view/11665> (дата обращения: 04.05.2026).
4. Harman G. Guerrilla Metaphysics: Phenomenology and the Carpentry of Things. Chicago: Open Court, 2005. 283 p. ISBN 978-0-8126-9456-7.
5. Harman G. Object-Oriented Ontology: A New Theory of Everything. London: Pelican, 2018. 304 p. ISBN 978-0-241-26915-2.
6. Haverkam W. Lost in Space: An Epistemological Analysis of Large Language Models and the Problem of Ungrounded Reference. Working Paper. Version 1.0. 2025. URL: <https://philarchive.org/rec/HAVLIS> (дата обращения: 04.05.2026).
7. Husserl E. Cartesianische Meditationen und Pariser Vorträge / hrsg. von S. Strasser. Den Haag: Martinus Nijhoff, 1950. 244 S. (Husserliana, Bd. I.)
8. Latour B. Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory. — Oxford: Oxford University Press, 2005. — x, 301 p. — (Clarendon Lectures in Management Studies). — ISBN 978-0-19-925604-4.
9. Meillassoux Q. After Finitude: An Essay on the Necessity of Contingency. London: Continuum, 2008. 160 p.
10. Wittgenstein L. Philosophical Investigations / transl. by G. E. M. Anscombe. Oxford: Basil Blackwell, 1953. 232 p.

Научное издание

Исследования молодых ученых

Выпускающий редактор Г.А. Письменная
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О.А. Шульга, З.А. Огурцова
Подготовка оригинал-макета О.В. Майер

Материалы публикуются в авторской редакции.

Подписано в печать 26.05.2026. Формат 60х84/16. Усл. печ. л. 8,0.
Тираж 300 экз.

Издательство «Молодой ученый».
420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый»,
Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.